

Маргарита МАЛИНИНА

**Щёпоты
старой
усадьбы**

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Мистические усадьбы

Маргарита Малинина

Шепоты старой усадьбы

«Автор»

2017

Малинина М.

Шепоты старой усадьбы / М. Малинина — «Автор»,
2017 — (Мистические усадьбы)

В старинной усадьбе в подмосковных Дубровицах поют птички, шуршат листвой вековые липы, журчит река и... разгуливает привидение. Во дворце, хозяевами которого были и Голицыны, и Потемкины, и Дмитриевы-Мамоновы, и даже сама Екатерина II, ночные сторожа увольняются один за другим, проведя в этом историческом здании одну-две ночи. На поиски истины в усадьбу направляются поодиночке искусствовед Анна, охотник за привидениями Анатолий и майор спецслужб Андрей. Смогут ли они стать одной командой и разобраться: существует призрак на самом деле или кто-то устроил ловкую фальсификацию? И все ли они прибыли в усадьбу с одной и той же целью?

© Малинина М., 2017

© Автор, 2017

Маргарита Малинина

Шепоты старой усадьбы

Летний ветер, запутавшись в моих волосах, нежно прошелся по коже рук и покинул незнакомку, устремившись в то место, где в один поток романтично соединились две реки. Я успела попрощаться и с ним, и с водителем такси, и зашагала ко входу в усадьбу.

– Ну как там Марья-то? – спросила меня смуглая шестидесятилетняя женщина, встретив у ворот и успев сперва выяснить, точно ли приехавшая девица является тем человеком, которого она и ждала. – А то мы толком пообщаться не успели.

– У нее все хорошо, – тихо ответствовала я, позволяя бойкой пенсионерке провожать себя до места ее нынешней работы и, видимо, моей предстоящей.

Мы шли по ровной, на совесть, которая редко присутствует у строителей, выложенной плиткой дороге по направлению ко дворцу, выкрашенному в нежный, мягкий розовый цвет. Здание, возвышающееся на небольшом пригорке, отвечало всем канонам классицизма: выдающаяся вперед белая колоннада, увенчанная треугольным фронтоном, строгая симметрия гладких стен, холодная внушительность и вместе с тем простота. Площадку перед дворцом украшал скромный, но красивый фонтан, к которому мы как раз приближались.

– А как сын?

– Нормально, – пожала я плечами, чуть помедлив с ответом.

– Как нормально? – два черных, будто вороны, изумленных глаза перевелись с дорожки на мое лицо. Сейчас заклюют – не иначе, промелькнула мысль. – Он же попал в аварию! Я слышала, что теперь не сможет ходить.

– Да, – не могла я не согласиться. – Я имею в виду, что теперь нормально, до этого было хуже.

– А-а, – поняла меня пожилая женщина. – Вот и вход, прошу за мной.

Мы поднялись по высокой белокаменной лестнице, прошли между колоннами и двумя сторожащими их львами-статуями и уперлись в коричневую, достаточно облезлую для такого величественного дворца дверь, которую спутница, именуемая Галиной Викторовной Сударышевой, сейчас открывала целой связкой ключей.

– Аня, запомни... Аня, да? А то я к старости что-то часто стала...

– Аня, – перебила я, удовлетворенно кивая.

– Ага, так вот, деточка, запомни, на этой двери пять замков, вот этот, третий, – она ткнула в щелочку в двери и продемонстрировала нужный под нее ключ, – очень туго идет, нужно немножко на себя потянуть и чуть вверх, вот так, – комментировала она собственные действия, – во-от, теперь пошел, здесь только два оборота, на остальных три. Необязательно, конечно, на все закрывать, но лучше уж по правилам...

Да, Галина Викторовна походила на ту породу людей, которые все и всегда делают по правилам. Будь то нормативы-акты-законы или тщательная, скрупулезная глажка постельного белья. Надо – значит, надо. Никаких тебе «завтра», «не хочу – не буду» или «и так сойдет».

Дверь с легким скрипом отворилась, обнаружив за собой таинственный полумрак, скрывающий множество загадок бывшего усадебного дворца. Теперь это здание официально именуется административным корпусом института животноводства и располагается в двух минутах ходьбы от известной церкви Знамения Богородицы в облюбованном туристами поселке Дубровицы. Помимо библиотеки, аспирантуры, зала заседаний (он же Гербовый зал) и прочих помещений института, в здании располагаются также загс и ресторан (как мне поведала Сударышева, последний находится в подвале и имеет отдельный вход). Пару дней назад дворец закрыли, по официальной версии, на реконструкцию. Загс не регистрирует браки, администрация института временно переехала в другой корпус. На самом деле, руководство крайне

обеспокоено частой сменой вахтового состава: ночные сторожа увольняются один за другим, проведя в этом историческом здании одну-две ночи. По их словам, им жизни нет от бушующего ночами привидения. Глава района постановил во что бы то ни стало «изгнать из института призраков, духов и прочую нечисть».

– Повезло, что человек попался широких взглядов, – объясняла Галина Викторовна, включив общий свет и расположившись на вахте – немного ободранном кресле за широким письменным столом с несколькими телефонными аппаратами и множеством каких-то журналов. Компьютер и экраны видеонаблюдения здесь отсутствовали как класс. Было ощущение, что я переместилась во времени сразу в два периода: в царскую Россию с ее роскошными усадебными дворцами и в советское время со скучной однотипной мебелью, вечной нищетой и полным техническим отставанием от западных стран. – Завтра сюда прибывает специалист по непознанному. Возможно, еще кто-то приедет сверху наблюдать: спецслужбы такими событиями тоже интересуются. Ну а я до кучи еще вызвала тебя. Ты же культуролог-историк, может, сможешь помочь чем-нибудь? Ну то есть знаниями.

Я благодарно кивнула и, устроившись на стульчике неподалеку от Галины Викторовны, начала осматривать помещение. Холл был просторным, стены выкрашены светлой краской, слева от дверей вахта (где мы и находились) и раздевалка, справа в углу кадки с фикусами и другими безынтересными растениями, а дальше, у стены, напротив вахты, огромное зеркало в полный рост, с добротной рамой из темного дерева, по виду и интуитивному ощущению ему явно перевалило за сотню лет.

– Оно всегда тут стояло? – заинтересовалась я, не отрывая взгляда от посеребренной поверхности, в которой отражались моя собеседница, шкаф за ее спиной и часть раздевалки. Ну и мое плечо. Пришлось даже немножко подвинуться вместе со стулом, чтобы этого избежать: не люблю зеркал.

– Да, – с интонацией приговоренного к смерти ответила Галина Викторовна, – как говорят, еще с времен последних владельцев имения. В нем-то я и видела... *его*.

При слове «его» голос собеседницы приобрел какой-то ледяной привкус. Я ассоциативно перенеслась на Северный полюс, подальше от июньского тепла сегодняшней погоды, и даже зубы сделали инстинктивную попытку застучать друг об друга. Что же настолько ужасного испытала пожилая женщина минувшей ночью?

– Расскажите поподробнее. Мне тетя говорила, конечно, но хочется все же из первых уст.

– Да-да, конечно. Так вот, зеркало...

Сударышева нервно покосилась на собственное отражение. Мне, сидящей слева от рассказчицы, были видны они обе: одна в профиль, угнетенная, отчаявшаяся, унылая; другая анфас, зловещая, коварная и будто бы злорадствующая.

Да нет же, быть не может. Та часть холла, где висит зеркало, хуже освещена, да и ближайшая к нему лампа трагически подмигивает, явно указывая на то, что находится на последнем издыхании и требует срочной замены. Вот это темное, мерцающее отражение и создает такую пугающую иллюзию живущего своей жизнью призрака. Это просто Галина Викторовна. И она просто отражается в зеркале. Вот и все. Никакой мистики. В мистику я, кстати, не верю.

– Вообще-то... я давно уже слышу по ночам разные звуки с верхних этажей, – так и не закончив мысль про зеркало, решила она начать издалека. Два черных глаза смотрели уже не через холл, а на стоящую на столе кружку с остывшим чаем. Или на торчащую из нее ложку, располагающую интересным орнаментом на ручке. – Шаги, шорохи и даже стоны.

– Давно – это сколько?

– Я здесь год работаю, и вот за последние пару месяцев чуть ли не каждую смену.

– Вы пытались установить причину звуков? – тут же активизировалась во мне любящая зреть в корень и допытываться до самой истины беспокойная натура. Все люди разные. Некоторые, например, всегда все делают по правилам, но за то действие, которое хоть и логично

в данной ситуации, однако не прописано в должностной инструкции, ни за что не возьмутся. На все вопросы они отвечают: «А зачем?», «Оно мне надо?» или «Мне за это не платят». А другие, хоть и с ленцой выполняют свои скучные, каждый день одинаковые обязанности, но всячески приветствуют задания, выходящие за рамки обыденности.

Галина Викторовна была, увы, из первой категории.

– Ты что, деточка? – вздрогнула она всем телом. – Если бы не слухи о призраке, я бы, может, и решила, что это вор какой забрался. Или сотрудник припозднился – у них это бывает. Только вот я всех отмечаю. Поздних, имею в виду. Мне же знать надо, когда закрывать здание. Но в два часа ночи, поверь, никто на работе не задерживается, даже самые рьяные.

– А как же кафе в подвале? Оно разве не круглосуточное?

– Нет. Свадьбы гуляют, в основном, по субботам. Если в другие дни, то не допоздна. Да и по субботам не позже часа ночи уходят.

– Ясно. Значит, вы решили, что это призрак.

В моем тоне напуганная вахтерша отчего-то прочитала нотки иронии (они, возможно, и присутствовали, но в таком малом количестве, что заметить их было невозможно; видимо, женщина просто мнительна) и немного обиделась.

– Доченька, я понимаю, что вы, люди науки, во все сверхъестественное не верите – не положено вам, у вас склад ума другой, но мы, люди простые, верим своим ушам, глазам и тому, о чем деревенские еще в пору молодости у костра рассказывали. Я, знаешь ли, таких историй наслышалась, что... ох! – махнула она рукой. – Жаль, что не писательница.

– Я еще не сказала, что не верю, – строго ответила я. – Тем более что вы пока мне ничего толком и не поведали.

– Ах да... – Она опомнилась, но, вместо того чтобы продолжить, потянулась к своей кружке. Запить страх? Или оттянуть начало повествования? – Так вот, раньше если и были шаги, – отпив, продолжила она, – то только на верхних этажах, туда-сюда походят да успокоятся. А минувшей ночью... – Сударышеву всю передернуло, словно она была затвором пистолета. Или гармошкой, которую разжали и сжали для получения первых аккордов задорной мелодии. – Я услышала, как оно начало спускаться. Впервые.

– В смысле, по лестнице? – уточнила я. – По какой?

– Она здесь одна, – кивнула женщина в нужную сторону. Напротив окон на другом конце холла был широкий проход в коридор. А там, видимо, и лестница. – Я напряглась вся. Думаю, чудится мне или правда кто-то ходит? Но ведь уже третьи сутки дворец закрыт, значит, не сотрудники. Кафе теперь тоже не работает, да у них и вход отдельный, как я уже сказала, с нашей лестницей никак не соприкасается. Куда звонить? В психушку, чтобы меня забрали, или в милицию? Крикнула: «Кто здесь?» Никто не ответил. Я вооружилась ножницами и выглянула в коридор. Шаги замерли на лестнице, а сюда никто не выходит. Думаю, что делать? Вернулась на пост. Взяла трубку, приготовилась звонить. Замерла, стою. Жду. Ничего не происходит. Ну, я трубку-то и положила. Решила – показалось мне.

– А дальше что?

– Дальше я села, кроссворд взяла и ручку. И в этот момент оно опять пошло! Причем на первом этаже. По коридору. В сторону холла, где я и находилась. В ту минуту у меня, что называется, волосы на голове зашевелились. Я почему-то подумала о том, какое верное это выражение. Аня, у тебя было так когда-нибудь? Ощущение, будто луковицы пляшут?

– Нет, – покачала я головой, с трудом сдерживая улыбку. – Но у меня в редких случаях пляшут мурашки. На коже.

– Ну это тоже, – махнула она рукой. – Это я даже не учитываю. А тут просто ужас обуял меня какой-то. Я попыталась встать – и не могу. Ноги приросли к полу, а туловище – к стулу. Сажу и слушаю, как *Он* приближается. В какой-то момент глаза наткнулись на ключи, лежащие

на столе. Пять замков! Пять! Но, думаю, авось успею? Да еще и третий барахлит... Дверь поднимать надо...

– Да-да, я помню.

– Вот. И я смотрю на ключи, и в голове забилося: «Спасение!» И вот когда это слово разлилось по мне изнутри, я ощутила, что руки-ноги стали двигаться. Вот.

Я не стала пенять женщине на трижды сказанное безыформативное «вот» и постоянные прерывания речи. Я понимала, что ей тяжело давался этот рассказ. Возможно, слушать со стороны такие небылицы смешно, но кто знает, как бы отреагировала я сама, очутившись в подобной ситуации. Это мне сейчас кажется, что я побежала бы проверять, кто имеет наглость шастать по вверенной мне территории, а заметив кого-то, имеющего физическую оболочку и размер, превышающий кота, кинулась бы звонить по 02. Но кто знает, как оно было бы на самом деле?

Галина Викторовна снова отпила остывшего чая. Два глотка, не больше. И тут же вернулась к теме разговора:

– Я резко схватила ключи со стола и побежала к выходу. В голове было только: «Успею или не успею открыть?» Но вот последний замок поддался, я дернула ручку на себя, и тут черт дернул меня глянуть в зеркало. С того места, где я стояла, как раз отражается проход из коридора в холл. И я увидела его! Призрак! Одетый во что-то длинное и черное, на голове старомодная шляпа, глаза горят. И сам он будто светится...

– Вы хорошо его разглядели?

– Да где ж тут разглядишь? Я вне себя от ужаса была. Вылетела на улицу прям в пижаме и накинутом сверху халате – как была. И осталась ночевать на лавочке.

– Ясно. Усы были у него?

– Что? – на миг застыла вахтерша. Как будто в разгаре обсуждения рецепта котлет по-киевски я ни с того ни с сего заговорила о постмодернизме в творчестве Фаулза. – Не помню... Вроде были. Да! Кажется, были.

Я полезла в сумочку и достала распечатанное с Интернета изображение.

– Он?

Дамочка сперва удивленно смотрела мне в лицо, словно ожидала признания в том, что я фокусник, и последующего за этим доставания кролика из шляпы, но быстро пришла в себя и взяла в руки лист бумаги.

– Похож. Кто это, Аня?

– Матвей Дмитриев-Мамонов. Один из последних владельцев усадьбы.

– А разве не Голицыны здесь жили?

Кивнув, я пояснила:

– После того как Мамонов, ложно обвиненный в безумии, скончался, имение перешло к Сергею Голицыну.

– Сергею? Мне местные рассказывали о Борисе.

Снова кивнув, я кинулась примерять на себя преподавательскую деятельность.

– Борис Голицын купил имение в конце семнадцатого века. Это тот самый, что воспитывал юного Петра Первого, видимо, о нем вам и рассказывали. Именно по его приказу в 1690 году началось строительство церкви Знамения Пресвятой Богородицы, которую мы имеем удовольствие наблюдать и сейчас. А дворец был построен только при его внуке. Затем имение много раз переходило из рук в руки: после Голицыных им владели Потемкины, затем сама Екатерина Вторая, после – ее фаворит Александр Дмитриев-Мамонов. Матвей – его сын. Уже после его смерти усадьба перешла снова к Голицыным. Сергей Голицын был действительным тайным советником первого класса при царе. Он был чрезвычайно богат и владел одновременно несколькими усадьбами. Успел сбежать за границу до революции.

– Вот оно что. Спасибо Анечка, очень познавательно. Я ведь редко с историками общаюсь.

– Так вот, Матвей Дмитриев-Мамонов, – продолжила я, – был умным, благородным и отважным человеком. После Бородинского сражения получил именную золотую саблю «За храбрость». Уменьшил своим крепостным налог в десять раз. Его беда заключалась в его же уме. Он был одним из первых, кто пришел к идее ограничения самодержавной власти. Со своим другом графом Орловым они в этом самом дворце обсуждали идеи создания организации «Орден русских рыцарей», этакой предтечи декабристов. Но тираны знают, как бороться с таким вольномыслием, и Мамонова признали умалишенным. Так он и скоротал последние годы своей жизни, в имении Васильевском, где был фактически узником, за любое непослушание его «лечили»: обливали холодной водой и привязывали к кровати.

– Какая горькая судьбина, – покачала моя собеседница головой. – Теперь понятно, почему его дух неприкаянный здесь бродит.

К тому моменту, как мы договорили, поселок уже окунулся в вечерние сумерки. Оставшийся день ушел на осмотр помещений первого этажа: коридора, зала для регистраций брака, фуршетного зала (он был намного меньше ресторана, расположенного в подвале, для скромных, «семейных» свадеб – пояснила Галина Викторовна), комнаты административного состава, комнаты под аппаратуру и других помещений, арендуемых загсом. Каждый вечер нужно обходить их все, проверяя, везде ли выключен свет. Ворота, окружающие территорию дворца, запираются только на ночь, но на окнах первого этажа решетки, так что вероятность взлома минимальна. На верхние этажи, принадлежащие НИИ животноводства, Сударышева даже не поднимается: во-первых, злоумышленники никак не попадут на верхние этажи, минуя первый, во-вторых, боится. Ведь шаги и стоны доносятся именно оттуда.

Ночевать мы остались в холле. У вахтеров здесь раскладной диван. Для меня еще в чулане отыскалась раскладушка. Правда, второй подушки не было. Но это ничего – мне не привыкать к лишениям.

Галина Викторовна спала в закутке между своим рабочим столом и раздевалкой, ну а я примостила выданное мне пружинное ложе вдоль стены, где стояло зеркало, – специально, чтобы не видеть отражения.

Сначала, после того как мы пожелали друг другу спокойной ночи, я достала плеер и слушала в наушниках музыку, так как половина одиннадцатого – это было для меня слишком рано, чтобы начинать видеть сны. И только через час убрала плеер в сумку и приготовилась почивать.

Первое время ничего не происходило. Я ворочалась с боку на бок, пытаюсь уснуть, но – как это часто бывает, если голова занята какими-то важными мыслями или переживаниями, – тщетно. Мне не давала покоя история Сударышевой. Как она могла видеть в коридоре человека, умершего полтора века назад? Существуют ли призраки на самом деле или ей это показалось? Или она просто выдумала все?

Зачастую, если на ночь глядя думать о всяких потусторонних вещах, вокруг начинают происходить различные странности. Вот и сейчас: то какой-то легкий ветерок подул в щеку, словно кто-то невидимый подошел поближе, наклонился и начал дышать возле моего лица, то откуда ни возьмись появились загадочные шорохи.

Я нехотя поднялась с раскладушки, стараясь не шуметь пружинами, и села сперва на ее край, а затем и вовсе встала на ноги. Затаившись, ждала.

Нет, никаких звуков больше не доносится. Наверняка показалось. Учитывая тему сегодняшней беседы – ничего удивительного.

Я кивнула сама себе и опустилась на раскладушку, однако вскоре пожалела, что так быстро успокоилась. Дело в том, что теперь звуки стали доноситься с улицы. И это были не какие-то там шорохи или шаги. Это был... детский смех. Такой отдаленный, беззаботный и

вместе с тем пугающий, от него холодела спина и мурашками покрывались ноги. Страшнее всего вещи, которые ты не можешь объяснить. И вот это появление детей, как минимум двух, возле ворот старинной усадьбы, очень далеко от жилых домов, в ночное время суток, при наличии в этих краях подозрений на сверхъестественные явления – ужасало. Именно потому, что им неоткуда здесь взяться, а тем более радоваться чему-то.

Я вспомнила сразу все фильмы, фигурантами которых были мертвые дети, водящие хоромы на фоне скрипучей карусели и имеющие полупрозрачную эфемерную оболочку, вздрогнула, перекрестилась и пошла к входным дверям.

Ключи торчали в замке, самом нижнем. Все еще слыша тихий таинственный смех, я повернула ключ, затем вынула его и проделала то же самое с остальными замками. Да, третий действительно шел туго. Но я вспомнила, как меня учила Галина Викторовна, и открыла его, приподняв немного дверь. Удивительно, как она сама не проснулась от этого громохання. И в тот момент, когда открываемая мною дверь немного скрипнула, она даже не пошевелилась.

Я вышла на крыльцо и тут же поежилась. Меня мелко колотило, вот только я не ведала от чего: то ли от ночного холода, то ли от страха.

Я стала водить глазами по сторонам, но ничего не видела. У фонтана, работающего и в темное время суток, была включена подсветка, и ее хватало для того, чтобы заключить: рядом со мной никого нет. Сделав такой вывод, я на самом деле расстроилась и испугалась даже сильнее. Ведь выходило, что смеялись невидимые обыкновенному взору дети, а это уже дает повод начать сомневаться в правильности своего твердого скептицизма. Зря я не поверила рассказу вахтерши.

Мои мысли прервала новая порция зловещего детского смеха. Вздрогнув, я мгновенно сбежала с крыльца и посмотрела влево, туда, где находилась старинная церковь. Оказалось, что со звукоориентацией у меня все в порядке, потому что я наконец-то сумела рассмотреть источник тревожащего мои нервы шума.

На фоне белокаменного строения, увенчанного тяжелым золотым крестом, подсвеченного снизу малочисленными, но яркими фонарями, резвились маленькие подвижные тени. Они сновали туда-сюда, будто играли в обыкновенные салки, и радостно повизгивали.

Я сделала несколько шагов к высоким прутьям кованого забора, разграничивающего территории дворца и церкви, чтобы посмотреть поближе, но вдруг оступилась и упала на каменную плитку. Поднявшись, потеряла руки, затем уже вновь подняла глаза к таинственному действию перед дверями церкви, но... Либо оно уже завершилось, либо мне все это померещилось. Потому что теперь я наблюдала лишь подсвеченную лужайку с водруженным по центру храмом. И никаких теней.

Так что это было? Живые люди? Исходя из размеров, это были либо карлики, либо дети. Что же им понадобилось ночью на безлюдной местности? Церковь ночами не работает и не принимает прихожан. Тем более, вышедши из дома Господня, ты не станешь сразу же бегать туда-сюда и хохотать. И даже не беря в расчет церковь, почему дети гуляют ночью одни? Куда смотрят родители?!

Это все дико. Дико и неправдоподобно. Но что же тогда? Если это не карлики, и не дети, и вообще не кто-то живой, тогда...

Я поежилась, на сей раз даже издав какой-то странный стон, и в этот момент зубы, застучавшие друг об друга, настойчиво стали советовать убираться подальше с открытой местности. За пять замков. За дубовую дверь. Но так как ни двери, ни замки нечистой силу остановить не могут, я на всякий случай прочитала на ночь молитву. И только потом легла спать.

* * *

Частенько доводится читать в различных книжках: «А утром все страхи ее покинули». Или «При лучах солнца она уже смеялась над собственным испугом, теперь все казалось таким безобидным» и тому подобное. Так вот, ничего похожего со мной не произошло. Наоборот, все последующие за прогулкой семь с половиной часов до момента пробуждения меня не отпустили жестокие кошмары. А когда я открыла глаза и увидела, где нахожусь, я поняла, что все, что предшествовало сну, было реальностью, и от этого мне стало только хуже.

– Это я разбудила, да? – напрасно сокрушалась Галина Викторовна, шурша пакетом с дешевым печеньем и наливая кипятка себе в кружку. – Старалась не шуметь, но...

– Все нормально, – хмуро ответила я и потерла лицо, пытаясь избавиться от дурных мыслей. Может, все-таки показалось, а? Ну откуда здесь детский смех? Откуда пляшущие возле церкви тени?

– Раз уж проснулась, налить тебе кофейку? Только у меня дешевый, растворимый.

– Предпочитаю чай, – спокойно ответила я, медленно поднимаясь с раскладушки.

– Ой, – смутилась женщина, – у меня его нет.

– Ничего, у меня есть!

Я заставила себя открыто улыбнуться этой заботливой, добродушной женщине. Она не виновата в том, что я плохо спала.

Я полезла в сумку и достала упаковку чая, кружку и пару шоколадок, до которых не добралась вчера, и водрузила на стол, предложив ей угощаться.

– Нет-нет, – смущенно затараторила она, отказываясь, – я этого не люблю, мне привычнее печенье. Из топленого молока. К тому же от сладостей может развиваться диабет! Знаешь, в моем возрасте стоит бояться таких вещей.

– Это не сладкая плитка, а качественный горький шоколад, он полезен.

– Тем более не буду! – замахала Галина Викторовна толстоватыми руками. – Дорогой, поди! Да и вообще, не люблю я его.

Я пожала плечами, мол, насильно мил не будешь, и пошла умываться.

Санузел располагался прямо возле лестницы. В раковине, по счастью, была горячая вода. А у меня с собой имелись зубная щетка, паста и полотенце. Выйдя из помещения, я уже сделала шаг к холлу, затем передумала и решила присмотреться к лестнице.

Итак, она была спрятана от коридора белой крашеной дверью со стеклянными вставками. Одна створка была приоткрыта. Всегда ли, или только сейчас – поди узнай. Я вышла на площадку и оказалась сразу возле ступенек. Они совпадали цветом с полом – серый разных оттенков, это была старая советская плитка под мрамор.

Значит, с этого места раздавались шаги ночного призрака. Он вышел из двери в коридор и направился в сторону холла, где был замечен напуганной вахтершей в зеркале. Перекинув полотенце через плечо, я присела и начала исследовать пол. Конечно, на таком полу сложно вообще что-то увидеть, но я надеялась, вдруг мне повезет.

На площадке свет был хуже, чем на самой лестнице, поэтому здесь я ничего не обнаружила. Но призрак – или кем он там на самом деле являлся – спускался сюда со второго этажа, значит, можно попытаться поискать следы на ступеньках: туда проникал свет окна, находящегося между пролетами. Я стала медленно подниматься по лестнице, внимательно разглядывая то, на что ступали мои ноги. В какой-то момент я различила блеклые следы грязи, может, это от обуви? Чтобы проверить догадку, я присела на корточки. Держа в одной руке и щетку, и пасту, второй потянулась к загадочному следу.

– Что ты делаешь? – раздалось откуда-то сзади.

Я вздрогнула, да так, что полотенце сползло с плеча и устроилось у меня на коленях. Обернувшись, узрела Галину Викторовну.

– Здесь грязь, – переведя дух, показала я глазами на заинтересовавшее меня место на полу.

– Да, – сразу успокоилась Сударышева, – уборщица уже третий день не приходит, так как дворец закрыт для посещения. Ты иди, завтракай, а я тут быстренько полы протру. В туалете у нас тряпка и ведро для таких случаев.

– Вы не поняли, – покачала я головой, поднимаясь. – Откуда здесь взяться грязному следу, если вы сами дальше первого этажа не поднимаетесь? Не ваш ли призрак его оставил?

Женщина в задумчивости перевела взгляд на ступеньку. Пожала плечами.

– Не знаю, Анечка, это же могло быть после того, как уборщица помыла полы. Сотрудники еще долго какие-то вещи перевозили.

– Ясно, – взгрустнула я. Попытка вывести нечистый дух на чистую воду не удалась. А жаль... Он бы сразу очистился. А вода бы вот загрязнилась. М-да, зря я не филолог, обожаю каламбуры. – Идемте пить чай.

* * *

Через полчаса вахтерше на пост позвонили. Оказалось, что в усадьбу прибыл специалист по сверхъестественным явлениям, о котором она говорила мне вчера. Сударышева поблагодарила охранника на воротах за сообщение и сама вышла встречать гостя – как было и со мной.

Прошло около двух минут, и очам моим предстал симпатичный парень, темноволосый, не очень высокий, довольно худого телосложения. То ли по этой причине, то ли по какой-то невинности, занимательной и явственно читаемой в чертах его лица, он выглядел не старше двадцати, хотя интуитивно я понимала, что ему больше.

– Анечка, знакомься, это Анатолий Ткаченко, эксперт по привидениям.

– Энтузиаст московского подразделения группы «Охотники за привидениями», если быть точнее, – смеясь, представился он и протянул мне, сидящей за столом в компании кружки чая, свою приятную, ухоженную ладонь.

Я пожалала ее, почему-то подумав о том, какая она комфортно-теплая. Даже отпускать не хотелось. А еще я зачем-то всерьез начала думать о том, почему он смеялся. Видимо, формулировка Галины Викторовны показалась ему забавной. Или далекой от реальности, ведь слово «эксперт» в иерархии компетентности стоит явно на десяток пунктов выше какого-то «энтузиаста».

Сударышева улыбнулась, глядя на нас со стороны, и продолжила знакомить:

– А Анечка у нас специалист в области культурологии. А также, истории. Она столько всего уже рассказала мне про бывших владельцев усадьбы!

– Да что вы? – обрадовался парень, глядя попеременно на нее и на меня. – Такой человек будет мне весьма полезен. Вы окажете мне помощь в поисках, Анна?

– В поисках чего? – сразу напряглась я.

С удивительно мягкой, но крайне самоуверенной улыбкой он ответил:

– Сверхъестественного, конечно. Чего же еще?

– Ах да, – заулыбалась я. – Окажу вам такую честь, куда уж деваться. Цели прибытия у нас так или иначе совпадают.

– Угу, только вот... – он поставил рюкзак на стул и расстегнул молнию, – методы – вряд ли.

Анатолий извлек и продемонстрировал загадочный удлиненный серый прибор с круглым желтым набалдашником и небольшим экраном, монохромным, как у старых мобильных телефонов.

– Что это? – изумилась Галина Викторовна и попросила подержать.

– Простите, не могу, – мягко отказал он. – Это измеритель уровня электромагнитного фона, с ним нужно быть очень аккуратным.

– Поняла-поняла, – сразу отступила на шаг Сударышева, – больше не пристаю.

– Такими вещами я действительно не пользуюсь в повседневной жизни, – согласно закивала я. – Хотите чаю?

– Не откажусь, – просветлел Ткаченко, источая в атмосферу незримую, но ощутимую энергию благодарности, – только для начала поработаю. – Я равнодушно пожала плечами и вернулась к чаю, а парень обернулся к пенсионерке. – Вы будете так любезны показать мне место, откуда доносятся подозрительные звуки?

Женщина с печатью невыносимой скорби на лице отрицательно покачала головой. Пояснила:

– Не могу, Толенька. Не стану я туда подниматься! Вот ни ногой больше! Я ж вам не успела главное-то рассказать. То, что позавчера случилось, поздно вечером.

– Что такое? – заинтересовался специалист по мистике.

– Оно же спускаться начало впервые... – Она понизила голос до шепота и, с опаской оглядываясь на проход, словно дух Матвея Мамонова мог ее подслушивать, добавила: – Я видела его! Собственными глазами.

– Так-так-так... – Анатолий растерялся и почесал затылок свободной от прибора рукой. – Что же вы мне не позвонили, а? Галина Викторовна, разве так можно? Сразу надо было...

Женщина стыдливо опустила глазки.

– Да я решила, раз вы все равно приезжаете, что я буду лишний раз трубку терзать. Приедете – и расскажу все сразу.

– Ладно. Я пойду один.

Сударышева подробно объяснила, куда идти, и дала ключи.

– Осторожнее там! – вдогонку крикнула парню пожилая вахтерша и посмотрела так, словно прощалась. Затем села рядом со мной и уже совершенно другой интонацией спросила: – Аня, ведь ты не замужем?

– Нет. А что?

– Как что? Кандидат, – кивнула она в сторону коридора, где пару секунд назад скрылся из вида будущий труп. Ну то есть по ее мнению. Я-то была уверена, что его поход закончится благополучно.

– Мне кажется, я его старше.

– По телефону сказал, что ему двадцать четыре. Да кто сейчас на возраст-то смотрит? Ты вот на свои двадцать шесть совсем не выглядишь. Я как тебя увидела – удивилась донельзя. Я-то помнила тебя только по старым фотографиям. Ты там еще светленькая была.

– Да. Надоело, что мужчины воспринимают меня как глупую блондинку, – пожаловалась я. – Вот и перекрасилась.

– Ну правильно. Темненькой тебе идет. И главное, что не черная совсем. А то сейчас молодые как-то красятся – ужас. В иссиня-черный какой-то. И глаза всё черным замазывают – жуть. А у тебя цвет как натуральный.

– Темно-коричневый, – кивнула я. – До этого пробовала что-то поярче, но мне не идет.

– Не надо ярче! Вот так хорошо. Прямо хоть сейчас замуж отдавай. – Как и водится в таких случаях, я легонько покраснела и скромно заявила, что мне пока рано об этом думать. – Да ладно рано-то! В наши с Марьей годы уже бы старой девой считалась. – Тут она решила, что ляпнула что-то не то. – Прости, дочка, не обращай внимания... Марья-то как относится к тому, что ты не замужем?

Я пожала плечами.

– А что она сделает?

– И то правда. Вы ж какие, молодые. С вами не поспоришь. – Галина Викторовна секунду-другую помолчала, словно обдумывая, уместно ли проявлять любопытство, и все же спросила: – Она говорила, что богатый за тобой какой-то ухаживал, но вроде араб. И в свои эти... как их... Эмираты увезти пытался на ПМЖ. Что ж с ним-то, не сложилось? – Я молчала, глядя в столешницу. – Доча, не переживай, ну их на фиг, этих иностранцев... Я уж Марье не стала тогда говорить по телефону, думаю, чего лезть буду... Но раз мы познакомились лично, я тебе так скажу. Русский мужик хоть и дурак, и лодырь, и закладывать за воротник любит, а все же таки лучше заграничного. От них не знаешь чего ждать, понимаешь, в чем дело? А наш-то как на ладони весь. Открытая книга. Ну так что? Забудешь про своего араба, посмотришь на Толеньку, а? – Она подмигнула. Ну точно в детском саду, ей-богу.

– Давайте вы сейчас мне остальную часть работы покажете и расскажете. А то вам скоро уезжать.

– Поняла-поняла, – подняла ладони кверху Сударышева, сдаваясь. – Больше не пристаю.

В течение последующих тридцати минут она рассказывала мне все, относящееся к ее (и теперь моим) должностным обязанностям. Я, как прилежная ученица, записывала это подробнейшим образом в блокнот. Дело в том, что вахтерше нужно будет уехать к родственникам на свадьбу племянницы, и почти неделю на работе ее не будет. Сменщица не смогла выйти, и Галина Викторовна уже решила отказаться от приглашения. Однако, когда она связалась со своей подругой и попросила прислать сюда на расследование необъяснимых явлений ее племянницу, заодно обмолвившись, что не видать ей отгулов, как своих ушей, то они попутно договорились, что я смогу выполнять эти дни ее работу. Короче, без меня меня женили. Но я в принципе и не была против. Заодно постараюсь выяснить, что же здесь происходит. Она же потом вычтет из своей зарплаты эти смены и отдаст мне деньги, так что все по-честному.

– Да, еще забыла сообщить. Сегодня-завтра приедут Алиночка – это фотораф загса – и Степан Пунцов из НИИ. Звонили, сообщили, что нужно что-то забрать. У Пунцова был свой ключ, но он посеял, а у Алины нет, им нужно будет двери открывать. Вот листок. – Она ткнула в яркий стикер, приклеенный к стеклу, покрывающему столешницу, где были написаны для меня их имена и должности. – Чтоб ты не забыла. Их нужно будет записать в журнал. Тот, который синий.

– Да, у меня отмечено, – сверившись с блокнотом, сказала я и зачитала: – «Журнал посещений во вне рабочее время – синий».

– Хорошо. Анечка, заставляй их подписываться в нужной ячейке, потому что, если вдруг – не дай Бог – что-то пропадет, отвечать будем мы с тобой.

– Поняла. – Чуть подумав, я спросила: – А если наш энтузиаст по ловле призраков что-то стащит, кто будет отвечать? Вы его в журнал не записывали.

Галина Викторовна подскочила, сидя на стуле.

– Анечка, конечно, лучше всего находиться рядом с ним неотрывно. Ведь записать-то я его не могу! Это неофициальное расследование.

– А как же постановление Главы района?

– Он и велел никому ничего не сообщать. Поэтому официально мы закрыты на ремонтные работы. Я могу, конечно, записать его каким-нибудь каменщиком, но, сама понимаешь, если начнется расследование, достанется всем.

– Поняла, пойду следить, – со вздохом заявила я и поднялась, отложив блокнот.

– Я бы пошла с тобой, но... – Галина Викторовна замаялась, думая, какими словами объяснить свое нежелание, но тут раздался звонок с поста охраны.

Я, в принципе, и так уже знала ее отношение к верхним этажам и то, что любые попытки заставить ее сунуться туда будут обречены на провал, потому не стала дожидаться, когда она повесит трубку, а просто пошла наверх самостоятельно.

На лестнице появились новые следы: сегодня под утро шел сильный дождь, и земля еще не везде просохла, несмотря на довольно теплую погоду. Я стала медленно шагать по ступеням, не забывая осматриваться. На стенах кое-где облупилась краска. Все-таки холл подвергали косметическому ремонту некоторое время назад, это видно в контрасте с остальными помещениями. Хоть краска того же цвета, но явно не свежая, оставшаяся еще с перестроечных времен.

Я поднялась на второй этаж и вышла через такие же белые двери, как и внизу. Длинный коридор шел перпендикулярно лестничной клетке, и я не знала, куда сворачивать: направо или налево. Справа, впрочем, была лишь одна дверь, лестница была расположена ближе к торцу, однако вдруг он именно там? Жаль, я не слушала Галину Викторовну, когда она объясняла энтузиасту сообщества по ловле призраков, куда идти.

Я затаилась, чтобы услышать, где именно бродит наш гость, но кругом было тихо. В итоге я решила подать голос:

– Анатолий! Вы где?

– Я здесь, – донеслось откуда-то слева. Туда я и направилась.

Через пару метров прямо на меня из высоких дубовых дверей вышел новый знакомый.

– Ой, – испугалась я вначале. – Вы нашли что-нибудь? – потому что охотник за привидениями выглядел озадаченным.

– Да, идемте со мной.

Он вернулся в помещение, откуда вышел на мой зов, я потопала следом.

Это был огромный зал с рыжим паркетным полом, выполненным лесенкой, длинными столами, накрытыми красным плотным материалом наподобие бархата, высокими, в пару метров, окнами, завешенными полупрозрачными тюлями (красивые гардины с кистями располагались по обе стороны, так, чтобы не мешать свету проникать внутрь), и несколькими рядами одинаковых стульев, как в театре, выстроенных спинкой к окнам и «лицом» к огромной белой магнитно-маркерной доске, что висела на одной из стен. Сами стены представляли собой нечто невероятное.

– Это все подлинное? – изумилась я, не отрывая взгляда от необыкновенной росписи, созданной, как сейчас бы сказали, в стиле 3D.

– Это вы мне скажите, вы же культуролог.

– Искусствовед, – поправила я.

– А какая разница?

– Культуролог – это общая специализация, искусствовед – более узкая.

Я подошла к стенам вплотную и попросила Ткаченко включить свет. Гигантские хрустально-рожковые люстры, свисающие с пятиметрового потолка, испустили яркое золотое свечение.

Картина стен завораживала. За многочисленными колоннами, выполненными в серых тонах, просматривалось огромное пространство пустующей площади, запертой между двух арочных стен. Серость колонн создавала впечатление, что на площади есть дневной свет, в то время как мы находимся в тени. Поверх колоннады наложены яркие фамильные гербы, украшенные позолотой, которая сейчас помпезно играла в свете хрустальных люстр.

Потрогав стену руками, я уверенно выдала:

– Роспись сделана в конце восемнадцатого века. Так называемая перспективная живопись.

– Перспективная? – хмыкнул Анатолий. – В смысле потом можно будет продать подороже?

Я скупно улыбнулась.

– Нет. Создает иллюзию трехмерного пространства, иными словами – объем.

– А. Ясенько. Значит, ты в этом сечешь?

Я пожала плечами, мол, называй как хочешь, я просто делаю свою работу.

– А для чего ты звал-то меня? – Ввиду того что Толя перешел на «ты» и мы были примерно одного возраста, я не стала упрячиться и тоже стала «тыкать». – Просто чтобы показать красивую картинку?

– Нет. Смотри сюда. – Он нажал на кнопку, и на экране прибора возникла чехарда цифр. – Это напряженность высокочастотного ЭМП.

– Электромагнитного поля? – самостоятельно расшифровала я аббревиатуру. Он кивнул. – И что?

– Зашкаливает. Это первое место, где прибор ведет себя странно.

– В смысле, первое? А где ты еще был? – Помнилось мне, ему давали только один ключ.

– Прошелся по коридору второго этажа. И на лестнице включал.

– А, ясно. – Я немного помолчала, кое-что обдумывая. Наконец спросила: – Толя, как ты считаешь, эти волнения электромагнитного поля можно создать специально?

– Что? – удивился он.

– Ну... технически.

– Нет. Не знаю... Зачем?

Я не успела пояснить свой вопрос, так как в этот момент в Гербовый зал, он же Зал заседаний, резко вошел высокий человек в сопровождении трясущейся и побелевшей лицом Галины Викторовны. Странно, я думала, ее и палкой наверх не затолкаешь, если только каким-нибудь особенным кнудом. Или мужик и выполнил роль того самого кнута?

Я пригляделась к чужеземцу. Он... Нет, я так говорю, будто сама уже обосновалась здесь так, что по праву могла себя именовать аборигеном. На самом деле, нет. Одна в ночь в здании – это еще ни о чем. Так вот, мужчина. Он был высок, плечист, мощен. Лет тридцати пяти от роду. На лицо не урод и не красавец – простая, обычная внешность. Он чем-то напоминал Шварцнеггера в молодости, физиономией – в меньшей степени, фигурой – в большей. Однако выражение глаз из-под насупившихся бровей заставляло ежиться от дискомфорта. Что-то с ними было не так, с этими глазами...

– Вот, Андрей Васильевич, – дрожащим голосом заговорила Сударышева, пока не менее дрожащий палец указывал на меня, – это Анечка, то есть Анна, член Федерации культурологов-историков, а это, – вибрирующий перст переместился на стоящего вблизи меня Ткаченко, – Анатолий, член организации... как ее... по ловле призраков.

– По ловле призраков, – эхом отозвался новоприбывший Андрей Васильевич и упер в застывшего парня свой загадочный ледяной взор. – А что это у вас в руке? – строго спросил он, чуть переместившись вперед, ближе к нам.

– Это? – удивился Анатолий, пошевелив рукой. – Измеритель уровня электромагнитного фона.

– Ага, – ответил мужик так, словно для него это что-то значило. – А модель? Вы, кстати, можете идти, – без перехода сказал тип, бросив на вахтершу мимолетный взгляд. Та охнула, но не посмела послушаться. Понятно, что ей не хотелось возвращаться на пост одной, она даже зависла на пару секунд, чтобы определить, кого сильнее боится – призрака умалишенного Матвея Мамонова или сурового гостя, может статься, не менее, а то и более умалишенного (учитывая, что первого, скорее всего, оклеветали). Определившись, ушла.

Толя ответил на вопрос как можно миролюбивее:

– АТТ-2592. А что? Вы разбираетесь в магнитометрах?

Вместо ответа русскоговорящий Шварцнеггер полез в карман, извлек оттуда небольшой планшет с диагональю экрана не больше семи дюймов и начал тыкать в него грубым пальцем. Я сразу представила себя на месте компьютера и поняла, что мне бы такое обращение жуть как не понравилось. Но планшет, видать, был не настолько привередлив, так как через небольшой промежуток времени ответил на запрос. Мужик кивнул сам себе и возвестил «в зал»:

– Да, есть такой. А как твоя организация называется?

– Я не понимаю... Вы кто вообще?

Человек приподнял лицо от экрана и дал косяка в сторону специалиста по потустороннему. Причем такого косяка, что второй тут же заговорил:

– Общественная группа «Охотники за привидениями», московское подразделение.

– Руководство у тебя есть? Кто твой начальник?

Ткаченко, покраснев то ли от злости, то ли от нелепости ситуации, назвал имя. Мужчина тут же кинулся кому-то звонить, а выяснив, что парень является тем, за кого себя выдает, отложил телефон и обратился теперь ко мне.

– Культуролог, значит? – Я молчала. – Ну-ка, ответь мне, барышня, что ты можешь сказать об этих стенах? – кивнул он на роспись.

– Сначала скажите, кто вы такой, – грозно ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Игра в гляделки длилась долго, но я выдержала. Знала я такую породу людей, они уважают лишь тех, кто может им противостоять. Или хотя бы пытается.

– Майор Смирнов к вашим услугам.

– Полиция? – уточнил Ткаченко. – Что, призрак уже кого-то убил?

– Вижу, вы любитель пошутить, – недовольно молвил мужчина, – а я вот не любитель шуток. Это понятно?

– Если не полиция, то откуда вы? Из спецслужб?

– Из спецслужб, – кивнул он, раздражаясь все сильнее. – Вопросы я тоже не люблю. Так что давайте сменим их на рассказы. Ваши, – со значением посмотрел он на меня, – рассказы.

Намек я поняла и повторила все то, что уже говорила Анатолию.

– Ага, ясно. А вот скажите мне... Анна. Вы заметили колонны перед входом в здание?

– Разумеется.

– Что вы можете о них сказать?

– Обыкновенные колонны дорического ордера, – пожала я плечами. – Чего о них говорить?

– Ага.

Удовлетворенно кивнув, майор таинственных служб вновь погрузился в свой планшет. Пока он что-то там «натыкивал» пальцем, мы стояли и безропотно ждали.

– Действительно, – наконец изрек Смирнов, немного, как мне показалось, обрадовавшись.

Я разозлилась.

– Я не поняла, вы что, нас проверяете?

– Приходится, – вздохнул майор. – Много сюда разной шелупони таскается. Лишь бы им в игры поиграть, роли на себя примерить. Одни привидений ловят на сломанный радиоприемник, другие подворовывают по мелочи. Хотел знать, с кем имею дело.

Сказать, что я обиделась, когда на меня едва не повесили ярлык воровки (про поимку призраков на сломанный приемник намек был явно на Анатолия), – это не сказать ничего, и все же выражать свое возмущение я не стала. Спросив у Ткаченко, не нужна ли я ему больше, и получив отрицательный ответ, я молча, не глядя на Смирнова, удалилась из зала.

* * *

– Кто он такой, чтобы задавать мне вопросы? – возмущалась я, провожая Галину Викторовну до ворот: она уезжала к родственникам на свадьбу. – Сам-то он показывал вам свои документы?

– Показывал, – закивала вахтерша. – Мне и звонок про него был от ректора института. Он и там засветился и требовал полный доступ ко всему. Мне было велено обхаживать. Но так как я уезжаю, обхаживать придется, деточка, тебе.

Я горестно вздохнула, затем вспомнила о христианском смирении и поняла, что мне ничего иного не остается, как отыскать огромный его запас в глубинах моего богатого сердца.

– Вы на такси? – чтобы сменить тему, спросила я.

– Нет, куда ж мне, старой бабке... Тут автобусная остановка неподалеку. До Подольска доеду, на вокзале на электричку и сразу до Серпухова. А там уж встретят.

– Хорошо, – кивнула я.

– Я номер телефона своего оставила тебе на столе, звони, если будут вопросы.

– Позвоню.

Мы встали возле ворот, я уже раскрыла уста, чтобы попрощаться и пожелать веселого праздника, но Сударышева меня опередила.

– Слушай, Анечка, я вижу в тебе... как бы это... беспокойный дух. Точь-в-точь как у того самого Мамонова. Так вот, с такими, как этот, – она показала глазами на покинутый нами дворец, – лучше не ссориться. Он погундосит-погундосит да уедет. А коли что... так тебе всю жизнь расхлебывать. Поняла?

Несмотря на то что я ничего не поняла, я все-таки кивнула. Тогда Галина Викторовна перекрестила меня напоследок и, распрощавшись, бодро зашагала по дороге в сторону невидимой мне остановки.

Я уже развернулась с мыслями занять свой пост, как тут подумала, что мне не мешало бы пообщаться с охранником, и пошла налево, к его будке.

Мужчина удивленно возрился на меня через маленькое окошко.

– Можно с вами переговорить? – мило улыбнувшись, проворковала я.

– Вы же временно Галину Викторовну замещаете? – поразил меня своей осведомленностью человек средних лет и кинулся открывать мне дверь.

На маленьком столе дымилась чашка и скучал брошенный ради меня надкушенный бутерброд. Пространства было мало для двоих, и я посчитала хорошим знаком, что меня впустили. Сесть, правда, было некуда, ну что же, можно и постоять.

– Скажите, вы ведь...

– Борис, – перебил охранник, назвавшись, и густо покраснел. Даже его неровные усы немного покраснели, став какими-то рыжими. В принципе, его волосы были каштановыми в рыжину, так что оттенок усов, наверно, был таким изначально, я просто не сразу заметила.

– Да, Борис, – невозмутимо продолжила я, – скажите, пожалуйста, вы на ночь остаетесь здесь?

– Конечно! Вахтеры отвечают за территорию самого дворца, а я, значитца, за прилегающую. Тут еще, если вы успели заметить, пара одноэтажных строений. Склады какие-то, которые постоянно заперты, и что там хранится – никому не ведомо. Но охранять нужно. Вдруг кто проникнет за забор и окно выбьет. А мне отвечай!

– Понятно. Скажите, пожалуйста, вы ночами ничего подозрительного не замечали?

– Да как же... – Бориса всего аж передернуло. – Место-то нехорошее...

– То есть?

Охранник понизил голос.

– Призраки тут ходят... Вы чайку не желаете?

– Что? – удивилась я быстрой смене темы. – Нет, спасибо, только что пила. И вы так спокойно об этом говорите. Вы что, сами их видели?

– Нет, но... Ночами стараюсь из будки не выходить. А вот сменщик мой – тот клялся, что видел. И тот, что до меня здесь работал – тоже. Вот так. Хошь верь – хошь нет. Только я в темное время суток отсюда – ни ногой.

– Как же вы охранять-то территорию планируете? Не выходя?

Было заметно, что Бориса немного задела мои слова. Тем не менее он кивнул на маленький белый телевизор с черно-белой картинкой.

– А мне и отсюда все видать!

Я пригляделась и поняла, что это камера слежения. Оказывается, таковая здесь имеет место. Но под ее обзор попадает только стоянка перед главными воротами.

– А проникнуть на территорию как-то иначе можно? В смысле не через эти ворота? – глядя в экран, поинтересовалась я.

– Было можно, – сделал он ударение на слове «было», – есть еще две калитки, выходящие в противоположные стороны – к церкви и в липовый парк. Для удобства посетителей и работников усадьбы. Но сейчас, так как территория в особом режиме, калитки закрыты. Ключи только у охранников, – он кивнул на связку, висящую на гвоздике над маленьким потертым диваном. – Так что теперь зайти никак нельзя.

– А вы когда заступили на дежурство? Сегодня утром?

– Нет, я вторую смену подряд. Завтра утром сменят меня. Я ваш приезд-то видел, именно я звонил Галине Викторовне. Вот.

– Значит, вы и ночью здесь были. Вы не слышали поздним вечером ничего... хм... странного?

– Странное? – переспросил зачем-то мужчина, хотя отлично меня расслышал. Чтобы потянуть время? Для чего? Подобрать слова или же придумать ложь? – Ну-у... – протянул он в итоге. – Может, и слышал. А что?

– Просто спрашиваю.

– Просто так? – недоверчиво сморщил он лоб, торчащий из-под фуражки. – Действительно?

Эта игра мне быстро надоела. Так подлавливать друг друга можно до самого вечера.

– Слушайте, Борис, давайте начистоту. Вы слышали ночью детский смех? Вы видели самих детей?

– Видел?! – испугался вдруг мужчина. – Нет! Дудки! Ни за что!

Я вздохнула.

– Но слышали? – ласково спросила, словно беседовала с душевнобольным и уговаривала его выпить волшебные пилюли, после которых ему обязательно полегчает.

– М-да-а, – протянул он и опустился на стул, словно вес собственного тела внезапно стал невыносимо тяжел. Да, мужчина не мог похвастать идеальной фигурой, но не настолько, чтобы ноги не держали. Причина его внезапной слабости таилась в другом. – Такой зловещий детский лепет... Что это было?.. И самое главное, – он резко схватил мое запястье, что я даже охнула, и сильно сжал, – ведь камера их не засекала!

Мы оба синхронно перевели взгляд на черно-белый экран. Затем я, опомнившись, выдернула руку и заявила:

– Эта информация ничего нам не дает. Во-первых, они бегали возле церкви, я видела их сама, ну то есть... какие-то тени, но была ведь ночь, так что мимо стоянки они могли и не пробегать, а во-вторых, всякие призраки и прочая нечисть, как говорят, наоборот, часто попадают в объектив фотоаппаратов, видеокамер и прочих чувствительных приборов. Это все? У вас больше нет сведений по данному вопросу?

– Но как же могли не пробегать, а? Сами говорите, что видели их у церкви. Ворота и калитки были закрыты, так что через территорию дворца пройти не могли. Только вдоль забора через стоянку на дорогу. И на видео бы засветились.

Я молча покачала головой, мол, не доказано, и задала еще вопрос:

– А раньше вы их здесь не слышали? Детей?

– Бывало, но быстро заканчивалось. В эту ночь впервые такое буйство. Как бы не было беды...

Я кивнула сама себе и развернулась, с тем чтобы уйти, но охранник меня остановил.

– Анна... – Я обернулась и посмотрела на него. – Уезжайте отсюда – вот вам мой совет. Место это недоброе. Сам увольняться собираюсь.
– Спасибо, – сухо поблагодарила я и вышла из будки.

* * *

Я вернулась на стоянку, где провожала Сударышеву, и пошла в сторону церкви. Мне нужно было исследовать повнимательнее то место, где мне померещились дети, и найти там доказательство либо того, что они там правда были, либо того, что оттуда можно выйти к дороге как-то иначе, минуя пост охраны с видеокамерой.

Белокаменная церковь с облицовкой из серого камня и ракушечника, построенная в стиле барокко, выгодно подавалась на фоне пронзительного синего неба, лишенного даже самого маленького облачка, и опиралась на ярко-зеленое полотно травы. Объемные фигуры апостолов, стоящие у основания башни, и скульптуры евангелистов по углам цоколя завораживали и расстраивали одновременно: у некоторых скульптур не было головы, у некоторых частей рук. То ли от старости, то ли от вандализма. Зная, в какой стране я живу, я склонялась ко второму варианту.

Служба давно закончилась, сейчас было обеденное время. Я обошла церковь и вышла к смотровой площадке. С нее открывался потрясающий вид на местность. Но не только виды рек, церкви и усадьбы меня сюда позвали. Я хотела найти путь, которым таинственные дети ночью вышли на дорогу и вернулись в свой поселок – или откуда они там пришли.

Итак, на востоке Пахра и Десна сливались в один поток и текли уже в сторону Подольска. Теоретически дети могли отправиться туда, только зачем? Вряд ли они гулять уходили далеко, стало быть, они местные, из Дубровиц, а поселок этот в противоположной стороне. Только вот на запад они пройти не могли, по крайней мере прямой дорогой: ворота были уже заперты и заперта калитка, которой они могли бы пробраться через липовый парк в поселок, да и на камеру видеонаблюдения бы, бесспорно, попали. Значит, они усадьбу обошли. Но как? На севере крутой берег Десны, идущий вдоль забора. С южной стороны вышки, на которой я стояла, есть тропа, ведущая в сторону стоянки, но, насколько мне хватает обзора, выводящая на трассу чуть раньше нее. Стало быть, пройдя по ней, дети могли и не попасть на камеру, а там, дальше, просто пройти под мостом и, обойдя усадьбу с южной стороны, оказаться в Дубровицах. Но! Это намного дольше, чем путь по берегу. А дети, насколько я помню сама себя, настолько энергичны и бесстрашны, что выберут самый короткий путь.

Я спустилась по узкой, неудобной лестнице и пошагала к реке. Сегодня день выдался жаркий, но людей возле церкви было мало – будни. Дойдя до храма, я свернула направо, до берега было максимум метров шестьдесят. Я шла, совершенно ничего не опасаясь и думая только о реке, к которой хотела как можно быстрее выйти, поэтому следующий момент оказался полной для меня неожиданностью: от ближайшего ко мне дерева резко отделилась какая-то тень и, до того как я успела что-либо пикнуть, прижала меня к стволу. Только когда чьи-то лапы сомкнулись на моей шее, вдавливая голову посильнее в дерево, я узрела перед глазами лицо майора.

Он зашипел:

– Итак, дорогая моя. Хватит играть в прятки. Отвечай, кто ты такая на самом деле?

* * *

Я открыла рот, но ничего не сумела вымолвить, и только тогда спятивший мужик додумался ослабить хватку.

– Вы в своем уме?! – набросилась я на него словесно (иначе, увы, не могла – силы не равные). – Вы прекрасно осведомлены, кто я такая! И отпустите меня немедленно! – Я попыталась достать его попеременно и руками, и ногами, но не преуспела. Смирнов был проворен.

– Дело в том, что я навел справки о тебе. Так вот, ты не можешь быть членом Федерации культурологов-историков, потому что никакой Федерации культурологов-историков не существует.

– Боже, – выдохнула я, полностью успокоившись. – Зато есть Общероссийская общественная организация «Ассоциация искусствоведов», и именно ее членом я и являюсь.

– Что? – Он был обескуражен и даже немного смущен. – А тетка твоя сказала иначе.

– Тетка моя в возрасте и все путает. И вообще, она не моя, я с ней вчера только познакомилась. Как она запомнила мою профессию, так тебе и передала, а я не стала поправлять пожилого человека. Можешь проверить по своим каналам. И хватит ко мне прижиматься, не то я решу, что ты влюбился.

Майор недовольно фыркнул и сделал два шага назад. Кстати, только в ту минуту я осознала, что мы как-то внезапно перешли на «ты». Вернее, он перешел. А я просто поддержала. Занятно.

– Подожди пять сек... – Смирнов кинулся кому-то натякивать эсэмэски. Или делать поисковый запрос в интернете – кто его знает.

– Знаешь, майор Смирнов, я лучше пойду потихоньку, меня дела ждут. А ты можешь следовать за мной, чтобы задать любые новые вопросы, которые изобретет твой беспокойный ум. Договорились?

Он хмыкнул и неожиданно сказал:

– Меня Андрей зовут, если что. – Я пожала плечами, дескать, Андрей – так Андрей, мне-то что, и развернулась, собираясь продолжить свой путь, на что майор добавил: – Ты, конечно, иди, только шагай не быстро.

Я думала, за этой репликой последует другая, что-то вроде «Если что, все равно ведь догоню», но он замолчал. Ну я и отправилась дальше. Вышла на берег реки, посмотрела с обрыва вниз: м-да, здесь спуск к воде не представляется безопасным, можно и ноги переломать. Дети-то, конечно, бесстрашные, как я уже говорила, но ведь не самоубийцы? Я пошагала вдоль берега, скоро достигла забора. Оказалось, что между оным и обрывом проложена вполне сносная, хоть и узенькая тропинка. Наверняка ребятня последовала ей и попала в итоге в жилую часть Дубровиц. Никакой мистики!

Через пару минут Смирнов меня догнал.

– Приношу извинения, – вполне искренне, как мне показалось, заявил он. – Ассоциация искусствоведов действительно имеет место. Назови мне, пожалуйста, свою фамилию.

Надо же! Майоры умеют быть ласковыми. «Пожалуйста».

– Звонарева. Анна Звонарева.

– А паспорт случайно не с собой?

– Не ношу.

– Хорошо. Тогда скажи дату рождения.

– Да щас прямо! – разозлилась я и ускорила шаг.

Он догнал.

– Да-да, девушки свой возраст не называют... Я в курсе ваших странноватых комплексов. Слушай, не обижайся, просто тут много ходит... охотников. Только не за привидениями, а за сокровищами. И представляются тоже всеми подряд, от историков до мистиков. А мне расхлебывай потом.

Я остановилась, обратив к майору заинтересованный взгляд.

– Не поняла. Какие еще сокровища?

– Последнего владельца усадьбы.

- Сергея Голицына?
- Ну да. Говорят, дядя был несметно богат.
- По историческим данным, так оно и было, – кивнула я.
- Так вот, появился в стране некий охотник за сокровищами последнего из дворян Голицына. Расхищает все усадьбы, которыми он владел или где подолгу бывал даже просто в гостях.
- Как это?
- Сокровища ищет. Говорят, Голицын сам-то сбежал за границу, а сбережения свои оставил. Якобы в тайнике одного из помещений дворца. Но какого именно дворца, преступник не знает, поэтому грабит все по очереди. Пару недель назад это были Кузьминки.
- В прессе об этом не было ни слова, – заметила я.
- Естественно. Расследование ведется втайне. Хотя между вами, музейщиками и искусствоведами, сплетни, наверно, расползаются быстро.
- Я об этом ничего не слышала.
- Ясненько. Ну это и хорошо. Местных работников просили держать язык за зубами. Вот и держат.
- А почему ты сюда приехал? Думаешь, вовсе не призрак бродит ночами по дворцу?
- Имеется такая мыслишка, – бодро закивал Андрей, хотел продолжить, но не успел: запищал телефон. – Секундочку. – Майор вывел на большой экран смартфона какой-то список, полистал его, удовлетворенно угукнул и убрал аппарат в карман. – Твоя личность подтвердилась. Как гора с плеч. Не люблю пытаться красивых женщин. Обидно, когда под конец от этой красоты ровным счетом ничего не остается...
- Прекрати меня запугивать! – рассерженно воскликнула я.
- Все! Больше не буду, клянусь. Вижу, ты рассказала все, что знаешь.
- Именно. А где, кстати, Анатолий?
- Твой любовник? Уехал.
- Да как ты смеешь! – вышла я из себя и ощутила непреодолимое желание его ударить. В конце все же смогла сублимировать это чувство в безобидное топанье ногой. – Я его впервые увидела сегодня! За час до тебя!
- Он немного помолчал, всматриваясь в мое лицо. Затем коротко изрек:
- Верю.
- Я зарычала в бешенстве и развернулась, чтобы продолжить путь, но тут одна мысль пришла мне в голову. Да такая, что пришлось ахнуть.
- А дверь вы не потрудились запереть за собой, да?! Так и оставили нараспашку?
- Так-так, а кто у нас вахтер-то? Кто следить должен?
- Я во дворце двух людей оставляла!
- Я сделала рывок, чтобы вернуться, но Андрей перехватил меня.
- Да запер, запер! – сказал он и, оскалившись, покрутил перед моим носом связкой ключей.
- Ну и шуточки у вас, майор! Это не по-военному.
- Это тебе впредь наука. Чтобы серьезнее к работе относилась.
- Упрек был заслуженный, потому я хмуро выдернула ключи из его пальцев и пошагала дальше по узкой тропинке.
- А куда мы путь держим? – спросили сзади.
- Я иду в поселок, куда идете вы – я не знаю.
- А ты, я гляжу, девушка с характером.
- Вот и гляди, только, будь добр, издалека.
- За такими разговорами мы добрались до поселка. Только возле самой усадьбы были каменные серые пятиэтажки, а дальше сплошь одноэтажные хибары, периодически перемежающиеся с двухэтажными кирпичными особняками.

На очередном перекрестке я достала из кармана адрес.

– Улица Садовая, дом 41, – сказала я сама себе. – Это должно быть где-то рядом.

Затормозив, стала осматриваться.

– Вот это – Садовая, 35, – включился в игру Андрей, ткнув в табличку. – Твой дом в той стороне.

– Спасибо.

Я двинулась в нужном направлении, майор не отставал.

– Скажи все-таки, куда мы идем, – попросил он через пять шагов. – Я люблю четко знать конечную цель своих действий.

Я открыла рот, чтобы сообщить мужику, что наши цели расходятся, но вздохнула, успокоилась и рассказала все как есть: в этом доме живет прошлая вахтерша, сбежавшая после трех ночных смен. Не то чтобы на меня повлияла Галина Викторовна со своим «с такими, как он, лучше не ссориться», просто я сама уже поняла, что майор так просто не отстанет. Все равно ведь попретса к людям вместе со мной, так пусть знает хотя бы суть предстоящей беседы, чтобы не ляпнул вдруг что-нибудь не к месту.

Мы как раз подошли к нужному дому. Старый, немного покосившийся, с облупившейся синей краской. На стук никто не ответил.

– Отлично, – нахмурилась я. – И что теперь делать?

Андрей сперва пожал плечами, затем обошел меня, чтобы встать поближе к двери, и легонько ее толкнул. Она отворилась.

– Прошу, – кивнул он на вход. – Только после вас.

– Разве законом допускаются такие действия? – недоумевала я. На что он меня толкает?

– Нет, – честно ответил спутник. – И, так как я здесь неофициально, то меня рядом с тобой не было. Ясно?

Я высокомерно фыркнула, мол, что за мужичье пошло, и переступила порог.

– Эй, есть кто-нибудь?

Одновременно со своим голосом я услышала какой-то хруст. Затем додумалась посмотреть, на что ступают мои ноги. Оказалось, на что-то белое и рассыпчатое. Я обернулась на Андрея с немым вопросом в глазах. Поняв, он наклонился, зачерпнул горсть и понюхал. Затем лизнул.

– Соль, – умиротворенно возвестил Смирнов, поднявшись и отряхнув ладони.

– Соль? – не поверила я и вновь обратила взор себе под ноги.

Густая белая линия тянулась вдоль порога, дальше ее концы обрывались. Пройдя вперед, я обнаружила, что такая же линия покоится и на подоконниках.

– Она что, – глядя на это безобразие, возмутилась я чужим сумасшествием, – «Сверхъестественного» насмотрелась? Возомнила себя братьями Винчестерами?

Ответом мне послужил мелодичный перезвон. Вздвогнув, я обернулась и узрела, как высокий майор своим затылком задевает подвеску-амулет из металлических трубочек. Вроде бы, согласно фэншуй, их вешают для того, чтобы отогнать злых духов. Наверно, на одну лишь соль барышня не рассчитывает, дополняя ее талисманом.

– Понавешали тут! – разгневался майор, отходя в сторону. – Чего ты говорила? Что-то о винчестере.

– Да не о винчестере, о братьях с фамилией Винчестер. Ладно, – махнула я рукой, – это не столь важно. Я очень надеюсь, что женщина жива, просто забыла запереть дверь.

– Да-да, и дверь запереть забыла, и забыла выйти посмотреть, кто это разговаривает у нее в прихожей.

– Может, ее нет дома? – предположила я.

– Что ж, это легко проверить. Идем, – позвал он меня за собой, делая шаги в сторону комнаты. Она не имела двери, только арку, пройдя которую, мы смогли осмотреться и сделать

вывод, что это гостиная. Простенькая, малогабаритная и дешево обставленная. Диван отчаянно нуждался в новой обивке, деревянный пол – в новом ковровине, стены – в свежих обоях, а тумба вдоль стены – в более продвинутом телевизоре.

– Эй, хозяйева! – в очередной раз взывала я, но все было впустую. Меня услышал только Смирнов, который пальцем возле губ показал знак «тихо». Не понимая, чего от меня хотят, я все-таки послушно затаилась. Мне кажется или из соседней комнаты доносится невнятное бормотание? Очевидно, именно на это пытался обратить мое внимание сосредоточенный майор.

Переглядываясь, мы медленно зашагали в ту сторону. Я заметила, как Андрей потянулся рукой куда-то под полу пиджака. Неужели у него там оружие? Впрочем, майор секретного подразделения при исполнении, скорее всего, обязан его с собой носить. Но руку он так и не вытащил, так что я не смогла проверить догадку. В следующую секунду мы одновременно переступили порог маленькой спальни, и мои мысли переключились на нечто новое и совершенно невообразимое.

Посреди комнаты прямо на голом полу сидела худощавая женщина лет пятидесяти пяти. Она устроилась на коленях, периодически наклоняясь вперед и упираясь лбом в какую-то книгу, лежащую в открытом виде перед ней, при этом, как я уже отметила, что-то бормоча вполголоса, а вокруг нее горели расставленные свечи, образующие строгую окружность.

– Что за... – Андрей не смог закончить фразу, но кисть все-таки выдернул пустую, из-за чего пола пиджака легла на место. Посчитал, что женщина не представляет опасности, или же у него не имеется пистолета за поясом брюк? В пользу второй версии говорит тот факт, что четверть часа назад он пытался задушить меня голыми руками.

Дамочка вздрогнула, услышав эти слова, тут же захлопнула книгу, задула все свечи и только после этого решила поднять на нас глаза.

– Вы кто? – удивленно и немного испуганно спросила она.

– Демоны, – не без ехидства ответил Андрей. – Пришли по вашу душу.

– Прекрати! – одернула его я, видя, что дамочке поплохело. – Скажите, пожалуйста, где я могу найти Горелову Марианну Сергеевну?

– Это я, – кивнула она, успокоившись, и медленно поднялась на ноги. – Вы из социальной службы? Мы с дочкой справляемся сами, – быстро заговорила она, поправляя длинную юбку и не глядя на нас, – я ищу работу и получаю пенсию, и дочка тоже...

– Подождите, – перебила я. – Мы не из социальной службы. Я устроилась на работу в усадебный дворец и попросила контакты тех, кто недавно уволился, чтобы... – внезапно запнулась я и бросила беспомощный взгляд на офицера, в ответ на который он просто пожал плечами, – ...поговорить, – закончила я предложение. – Ну... о работе.

Мои мягкость и страсть к околичностям были жестко раздавлены смириновской прямолинейностью:

– Вернее, о призраках. Вы их видели?

Женщина повторно содрогнулась и уставилась в изумлении на не любящего недомолвки майора. Я, кстати, тоже, еще неизвестно, чей взор пылал большим изумлением. Зачем пожимать плечами, а впоследствии выдавать на-гора страшное слово на букву «п»?

Горестно вздохнув, она указала на диван.

– Садитесь. Разговор будет долгим. – Мы расположились на сидении, Смирнов – довольно далеко от меня. Ну и слава богу. – Когда я была молодая, – начала она издали, – мы с компанией друзей ходили гулять в лес. Местные предостерегали нас, но все было впустую. И вот однажды я увидела *ее*. Это был последний раз, когда я сунулась в местный лес.

– Кого – *ее*? – уточнил Андрей.

– Вы не слышали легенду? – удивилась Горелова. – Невеста разбилась в свадебном кортеже. Она любила одного парня и ждала, когда он вернется из армии. Но родители не хотели их отношений. Он был из неблагополучной семьи. И вот они всё сватали *ее* к другому. Она

долго держалась, но писем из армии в ответ на ее пылкие послания не приходило уже очень давно, и в итоге она сдалась. Верно говорят, нельзя вступать в брак из-под палки... Так и не доехали они до загса. Машина потеряла управление, когда они проезжали здешний лес, и врезалась в дерево. Погибла только она. С тех пор ее призрак часто видят ночью на том самом участке дороге. Она плавно выходит из-за дерева и замирает у шоссе, вглядываясь в лица водителей. Ищет своего любимого, который уже давным-давно вернулся из армии. Хочет спросить, почему не отвечал на ее письма. Вот такая легенда.

– Но как это связано с усадебным дворцом?

Женщина вздохнула.

– Говорят, один раз повстречаешься с чем-то сверхъестественным, и оно будет следовать за тобой по пятам всю жизнь. В моем случае была тридцатилетняя передышка. И все же оно добралось до меня.

– Что – оно? – спросила я.

«Что – оно?», «Кого – ее?» – мы с Андреем в своем положении только и могли удивляться, уточнять и переспрашивать. Он оказался таким же скептиком, как и я, вследствие чего поверить в здравомыслие хозяйки ветхого домишки было выше наших сил. Тем не менее мы пытались поспевать за историей.

– Сверхъестественное, – ответила на мой вопрос Марианна Сергеевна и потеряла лоб в глубокой задумчивости. Наверно, гадала над тем, какими словами донести до нас дальнейшее повествование. Угостить пришедших чаем и печеньем даже не пришло ей в голову, чему я, признаться, была донельзя рада. Такие беседы за обыкновенным чаем не ведутся. Разве что за рюмочкой абсента. – Когда я вышла на пенсию, меня сократили, – продолжила женщина. – И дочка нашла мне работу здесь, в Дубровицах. Она сама не так давно устроилась в загс. А меня, значит, на вахту. Я насторожилась, правда, когда узнала, что среди вахтеров и охранников большая текучка. Но дочка сама новенькая в этом здании, поэтому не могла меня просветить. И вот, в первую же смену это началось.

– Шаги? – подсказала я.

– Да, – явно без удовольствия кивнула собеседница. Судя по всему, ей тяжело давались воспоминания. – И стоны. И еще какие-то шуршащие звуки, не могу дать им точного определения.

– Откуда конкретно доносились звуки? Или вы не пошли проверять? – вспомнив Галину Викторовну, присовокупила я. Вдруг Марианна Сергеевна из той же породы людей?

Чуть погодя, Горелова ответила:

– Пошла. Как же не пойти? Я думала, вор влез.

– Почему охранника не позвали? – активизировался Смирнов.

– Позвала, – с той же интонацией, скованно-напряженной, заявила женщина. – Уже после. Сначала вышла в коридор. Шаги доносились с лестницы. Ну, я и направилась туда. Выглянула на лестничную площадку – никого. Затаилась. Слышу: уже наверху кто-то ходит. Я стала подниматься, и...

– И? – стала я подгонять, неожиданно для себя ощутив, как по моим рукам забегали мурашки. Неужели я поймалась на сказочку о призраке?

– И здесь оно застонало. И как будто бы не человек на втором этаже стонет, а... Не знаю... Стены. Стонут стены. Все разом!

– Что за бред? – хохотнул майор. – Как стены могут стонать?

Я шикнула на него и велела женщине продолжать.

– Ну вот, тут-то я и струхнула. Вспомнила свое первое привидение и решила, что оно вернулось за мной. То есть девочка эта в свадебном платье. Здесь же загс! Вот она – связь. Я в ту же минуту подумала, что приходить сюда на работу – была главнейшая моя ошибка и нужно увольняться как можно скорее. И вот, пока здание стонало и шуршало, я бежала вниз

со ступенек, затем по коридору в холл. И принялась названивать охраннику. Вообще это не входит в круг его обязанностей, он должен следить за территорией. Но если бы человек проник во дворец, это означало бы, что он как-то проскользнул мимо охранника, ведь в любом случае сначала нужно пройти по территории. Поэтому он обещал прийти и посмотреть, кто здесь стонет. Я открыла входную дверь и стояла на пороге все это время. Находиться внутри здания было выше моих сил. Но и на улицу выходить не стала. Вдруг мне все померещилось, и это был простой воришка? Или искатель приключений? Тогда он мог бы беспрепятственно улизнуть через дверь за моей спиной, пока бы я высматривала в темноте охранника.

– А зайти-то он как мог? – встрял Смирнов. – Где вы находились все это время?

– Я находилась в холле и никуда – никуда! – не отлучалась.

– Даже в туалет?

– В туалет отлучалась, но как минимум за час до появления первых шагов. К тому же двери были заперты на все замки.

– У кого есть ключи?

– Только у вахтера и у ректора института. Последний держит их в кабинете, так как никогда не пользуется.

Я спросила:

– Так в самый последний раз вы шаги слышали на втором этаже? – Бывшая вахтерша кивнула. – В какую сторону они направлялись?

– Ты что-то не о том говоришь, – одернул меня Смирнов. – Нужно выяснить, на месте ли ключи ректора. Это первое. Что показали камеры наблюдения в ту ночь. Это второе.

– Охранник сказал, что никого не видел в ту ночь возле ворот, – сообщила Марианна Сергеевна.

– Что было дальше, когда он пришел?

– Я встретила его на пороге и сказала про шаги и стоны. Он, как только услышал про стоны, рассказал мне легенду об одном из бывших владельцев усадьбы и заявил, что никуда не пойдет, потому что боится с ним столкнуться. Якобы его дух здесь бродит и кто-то даже видел его отражение в зеркале.

– Как? Опять зеркало? – удивилась я. Видя непонимающие лица, пояснила: – Прошлой ночью нынешняя вахтерша тоже видела в зеркале мужской силуэт. – Спросила у Гореловой: – А вы когда слышали шорохи? Число не вспомните?

– Нет. Можете посмотреть по журналу. И первую мою смену, и вторую. Второй раз я даже не вызывала никого. Просто сидела в холле и тряслась от страха. Думала, что на меня теперь эти призраки так и посыплются после невесты и этого... как его... Голицына.

– Это был Мамонов, – поправила я. И, увидев взгляд, которым меня одарил напарник, добавила: – Ну... якобы.

– Да какая разница, – махнула рукой дамочка, – лишь бы новые не прискакали. Потому и уволилась, как только начальство отпустило, меня же официально устроили. Хорошо хоть, третья смена тихо прошла. Но я туда больше ни ногой! Да и то боюсь, как бы за три ночи не успела я подцепить...

– Поэтому у вас столько разной атрибутики повсюду? – Я выразительно обвела глазами книгу, свечи, амулеты, висящие даже в спальне, и неизменные полоски соли.

Она кивнула.

– Не хочу впускать в свое жилище Зло.

– А вы одна живете? – поинтересовался Смирнов.

– Нет, с дочерью и внуком. Сейчас их дома нет.

– Ясенько...

Мы уже поднялись, с тем чтобы уйти, но я вдруг додумалась спросить:

– Не подскажите, как звали того охранника, которого вы вызывали во дворец?

– Сейчас вспомню... Борис. Такой полноватый, с большим носом. И усами.
Я закивала, мол, знаю, и отправилась к выходу.

– Не сбейте мне полоску соли возле порога! – вдогонку крикнула женщина, возвращаясь к книге на полу.

* * *

– Сумасшедший дом! – бушевал на обратном пути Смирнов. – Дернуло нас к ведьме заявиться. Ты представляешь, в какой обстановке растет малыш?

Меня настолько изумило это трогательное слово «малыш», вылетевшее из уст строгого майора секретной службы, что я не преминула заметить:

– Этому малышу сейчас может быть больше пятнадцати лет, учитывая, что бабушка уже на пенсии.

– Да кто сейчас в двадцать рождает! – фыркнул он.

– Сейчас – немало, а раньше, во времена Марианны, и того больше.

– Да не важно, когда-то же внук был маленьким? А она умом сдвинулась еще во времена своей молодости, когда по лесу ночами гуляла.

– То есть ты не веришь вообще ни во что сверхъестественное, так?

– Так-так, а ты как? – в рифму ответил офицер.

– Скорее всего, так же, – вздохнула я. – Только вот...

Я не смогла продолжить, поэтому Андрей сделал предположение:

– Только не говори, что ты тоже ночью шаги и стоны слышала.

– Нет, во дворце все было спокойно. А вот на улице... – Я рассказала про гуляющих детей, не попавших в поле зрения камеры.

– Так вот зачем мы топали в Монголию через Нидерланды... – догадался Смирнов, очевидно, подразумевая под страной тюльпанов обрывистый берег Десны. – Одобряю такие методы. Рождаются версия – требуется проверка. Сразу все становится на свои места.

– Ага. Только это не объясняет, зачем детям плясать на фоне церкви глубокой ночью, вместо того чтобы обниматься с подушкой в родительском доме и видеть приятные сны.

– Знала бы ты, где меня носило в детстве, – хихикнул Андрей.

Мы как раз подошли к воротам, которые подарили мне приятный сюрприз в виде ожидающей возле них девушки.

– Здравствуйте. Я Алина, фотограф, – представилась она, и мне пришлось в исступлении ударить себя по лбу. Вот как я выполняю свои должностные обязанности! С этими детьми и призраками совсем все забыла. – Мне нужно кое-что забрать из загса. Я дошла до дворца – меня охранник знает и пропустил, – но двери заперты. Решила здесь подождать.

– Да, простите, Галина Викторовна говорила, что вы придете. Мне пришлось отлучиться.

– Это ничего, я бы утром перед работой зашла.

Мы трое плавно двинулись в сторону дворца, продолжая переговариваться. Девушка выглядела дружелюбной, либо она успела подождать меня всего ничего, либо была такой доброй по натуре, что даже длительное стояние на одном месте не могло вывести ее из душевного равновесия. Тем не менее что-то в ее внешности меня напрягало. Не могу сказать, что именно. Лицо правильное, овальной формы, с прямым носом, маленьким, аккуратным ртом. Волосы светло-русые, чуть ниже плеч, собранные в хвост. Ничего демонического.

– Перед какой работой? – тут же сделал стойку Андрей. – Загс же не работает.

– Это здесь не работает. Нас перевели в Подольск, временно. Некоторые отказываются регистрироваться там и переносят дату. Сейчас активно идет запись на август. Июльских, надеюсь, сдвигать не придется.

– Совершенно справедливо надеетесь, – самоуверенно закивал майор. – Здесь дел на пару дней.

Я даже закашлялась. Ну как можно такое обещать? Тем более когда пока не знаешь, с чем имеешь дело.

Я решила поскорее сменить тему.

– А вы разве не всю аппаратуру перевезли в город?

– Нет, взяли только новую, но сегодня на репетиции она подвела. Нужно взять из сейфа старый фотоаппарат. Попробовать снять объектив и прикрутить к новому.

Эти технические детали были для меня излишни, поэтому я слушала вполуха, сосредоточенно открывая дверь и думая при этом о своем. Зачем Смирнов возвращается со мной во дворец? Неужели решил остаться на ночь?..

Средний замок почему-то не открывался, и мне временно пришлось оставить свои размышления.

– Давай помогу, – подключился майор, мягко меня отстранил и, чуть приподняв дверь, повернул ключ.

Точно! Я ведь знала это. Дурацкие мысли сбили меня.

Остальные замки тоже открыл майор и пропустил нас вперед. Я щелкнула выключателем и повернулась к нему.

– Вы как будто здесь не впервые хозяйничаете. Может, подрабатывали, а? – кивнула я на вахтенный стол.

– Опять на «вы»? – удивился Андрей. – Я же закрывал сегодня дверь, помнишь? Вот и выучился.

– Ах, ну да...

Фотограф, не дождавшись, когда мы завершим выяснять отношения и обратим на нее внимание, отправилась сама к столу и открыла синий журнал.

– Да-да, запишитесь, пожалуйста, – запоздало кинулась я притворяться радивым сотрудником.

От нужной комнаты Алина сама взяла ключи, так как лучше меня знала, что ей нужно и где это лежит. Сперва мы трое попали в зал для регистрации. Он был весьма просторным, и интерьер его также был выполнен в стиле классицизм: серо-бежевые стены, имитация колонн возле дверей, белая мебель, огромная хрустальная люстра. Портил помещение только загадочный прямоугольный коричневый ковер, слишком короткий для этого зала и смотрящийся как-то очень уж нелепо на отделанном качественным ламинатом полу. Похоже, основательный ремонт затронул только помещения загса, не произведя никакого резонанса на старые стены и плиточные полы этажей дворца. Разве что холл выглядел прилично в результате косметического ремонта, как я уже говорила раньше.

Пройдя зал, мы устремились к маленькой боковой двери. Помещение было небольшим, вмещало в себя только письменный стол, шкаф и музыкальную установку, водруженную прямо на пол.

– А что вы ее не вывезли? – полюбопытствовал Андрей.

– В Подольске своя звуковая система, мы ею пользуемся.

Алина влезла во вмонтированный в стену сейф, от которого у нее уже был свой собственный ключ, и достала нужный аппарат.

– А фотокамеру, стало быть, они вам не дали?

Мне стало казаться, что Смирнов проводит допрос, до того подозрительными были его глаза и придирчивыми его вопросы. Но Алина по-прежнему улыбалась.

– Мне не нужна чужая камера, я к своей привыкла. Там все настроено, как мне надо. – Она заперла сейф и убрала фотоаппарат в сумку. В этот момент у нее зазвонил телефон. – Да, мам... Еще не пришел? Ну, значит, гуляет где-то... Ну и что, что уже шесть часов!.. Я скоро

буду, мне нужно было на старое место работы заскочить. – Сотрудница загса поспешно убрала мобильный и обернулась к нам. – Ну все, мне пора.

Мы проводили ее до главного входа.

– А теперь давай отправимся по нашему делу, – предложил Андрей. – У тебя имеются ключи от помещений института?

– Должны быть, – пожала я плечами, выражая неуверенность, и достала из ящика связку. – Библиотека... – перебирала я ключи, читая надписи на маленьких приклеенных клочках бумаги, – архив... Вот, нашла. Написано «ректор».

– Отлично. Идем.

– Куда? – насторожилась я. Было ощущение, что он знает точно, где расположен кабинет. Я вот этого не ведала, хоть и вахтер. Правда, новенький, первый день на работе, но тем не менее...

– На второй. Я так понимаю, весь институт находится там?

– Наверно. – Мы поднялись по лестнице. – Ну что, будем пытаться вставить ключ в каждую дверь? Куда подойдет?

Он кивнул.

– Если только у тебя нет каких других предложений. Например, позвонить своей этой... Галине Викторовне, или как ее там.

Я вздохнула.

– Не хочется ее отвлекать по пустякам.

– Кража ключей из кабинета ректора – дело серьезное.

– Воссоединение семьи накануне свадьбы – еще серьезнее. Уж поверь. Мне обе бабушки говорили, что даже из могилы восстанут, лишь бы присутствовать на моей свадьбе, если такая хоть когда-нибудь состоится.

Он хмыкнул.

– Ладно, дело твое.

– Значит, идем направо. – Мы стояли как раз на площадке перед коридором. – Начнем по порядку.

На четвертой двери нам повезло. Она находилась уже в левом секторе, через дверь от Гербового зала.

Кабинет был средненьким. Старая мебель, кричащие о косметическом ремонте стены и пол. Напротив длинного стола для совещаний висел большой портрет президента.

– Как еще не Ленин, – фыркнул Смирнов.

– Ты на этого дядю работаешь, – напомнила я издевательским тоном.

– Давай не будем терять время.

Я кивнула на сейф.

– Думаю, от него у меня точно ключа нет. Зря поднимались.

– Сомневаюсь, что связка лежит там. Поройся в столе.

– Ох, на темное дело меня толкаете, товарищ майор, – недовольно фыркнула я, уже ничему не удивляясь: не впервые за сегодня нарушать закон и порядок.

– А что делать, – развел он руками. – Нужно проверить теорию.

– Вот сам и проверяй!

Несмотря на собственные слова, я тем не менее уже обошла стол и открыла первый ящик.

– Тебе ближе, ты уже там стоишь.

– Если наша доблестная полиция именно такой логикой руководствуется в своей работе, тогда ничего удивительного, что раскрываемость почти на нуле, – ворчала я, осматривая уже третий ящик стола. Последний. – Ничего! – горестно констатировала я, задвинув его обратно.

– Посмотри в тумбе. – Она стояла возле письменного стола.

– Точно! – обрадовалась я.

В тумбочке обнаружили ключи от входной двери. От всех пяти замков.

– Чертовщина какая-то, – раздосадовался майор. – Если они все это время лежали здесь, как наш призрак в здание попадает? Может, слепок? Дай сюда. – Я подала ему ключи. Уж он их и нюхал, и облизывал, и поднимал к свету одинокой лампочки, приставляя увеличительное стекло. – Безобразие! Никаких следов парафина или пластилина!

Я лишь развела руками.

* * *

– Значит, ты сама никаких шагов и ахов-вздохов во дворце ночами не слышала? – уточнил Андрей, пока мы спускались по лестнице в вестибюль.

Я подтвердила, дополнив:

– Но я провела здесь только одну ночь.

– Ну да... Что ж. Раз гостей на сегодня больше не предвидится и призраков ты тут ни разу не слышала, а дети беснуются снаружи, я, пожалуй, сейчас тебя покину. – Он сверился с наручными часами и кивнул сам себе. – А утром вернусь. Договорились?

– Можно подумать, я бы оставила тебя здесь на ночь, – удивилась я его рассуждениям.

Немного помолчав, он серьезно изрек:

– Может быть, придется. Смотря куда дело заведет.

– У нас пока нет никакого дела, – напомнила я. – Только сплетни и выдумки сумасшедших.

– Твоя Галина Викторовна тоже умалишенная? – хмыкнул он.

Я пожала плечами.

– Я ее совсем не знаю. Я же говорила, что видела ее впервые.

– Но по рассказам твоей тетки?

– Моя тетка когда-то жила с ней в одном подъезде и ходила с ней в одну школу. Чем дальше, тем реже они общались. Так что сам понимаешь... Никаких гарантий.

– Чего же ты приехала сюда? Коли ей не веришь?

Я немного помолчала.

– Затем же, зачем и ты. И Анатолий. За поисками правды.

Уже возле дверей он сказал:

– Смотри. Правда иногда не до добра доводит, а совсем наоборот.

На этой ноте мы расстались.

* * *

Остаток вечера выдался спокойным. Один раз позвонил по местному телефону охранник Борис и спросил, все ли у меня в порядке. Я заверила, что никаких проблем не испытываю, мы пожелали друг другу доброй ночи и распрощались. Я разложила свое лежбище, застелила и приготовилась почивать. Галина Викторовна разрешила мне пользоваться диваном, но мне всегда удобнее спать на одном и том же месте. Хоть я и провела здесь всего одну ночь, да и ту – беспокойную, однако раскладушка, поставленная чуть ли не в проходе мне импонировала куда больше, чем, казалось бы, более уютный диван в закутке возле стены. Потому что ближе к выходу? Или потому что диван отражается в зеркале? Не знаю...

Мне снились хождения призрака на втором этаже. Снова кошмары! Я повернулась на бок, раскладушка заскрипела, пробудив меня, и в этот момент я как раз вспомнила свой сон, разочарованно застонав: даже ночью нельзя расслабиться... Я поворочалась еще немного, наконец шум лежанки затих, и, наслаждаясь тишиной и собственным глубоким дыханием, я попыталась возобновить эру сновидений, настроившись теперь только на приятные, но... Через пять

секунд сердце екнуло, а кожа похолодела. Как выяснилось, шаги не являлись частью моей дремоты. Они были реальностью...

Я, затаившись, слушала звуки передвижения наверху, прямо надо мной, затем резко села. Скрип раскладушки... Ничего не слышно, когда она скрипит... Наконец тишина. Одна секунда... Две секунды... Может, показалось?.. Три... Четыре...

Шаги! Прямо надо мной!

Глаза от ужаса чуть не выпрыгнули наружу. Мурашками покрылось все тело. Что делать?!

Я поднялась. Раскладушка скрипнула. А вдруг он тоже меня слышит? Я же его слышу. Вдруг он понял, что я проснулась? Или не он, а *оно*?

Нет, я не поступлю как Галина Викторовна. Я проверю. Нужно выяснить, что это. Или кто это.

Я сделала шаг в сторону коридора. На глаза попался письменный стол с телефоном. Может, позвонить? Но куда? В полицию? Сказать, что у меня тут призраки бродят? Засмеют.

Вспомнив полностью рассказ Сударышевой, я подошла к столу и тоже вооружилась ножницами. Не бог весть какое оружие, но все-таки... Против духа, конечно, не потянет, но если это что-то телесное, тогда можно будет сделать больно. Затем медленно тронулась по коридору к лестнице. На площадке затаилась, судорожно вглядываясь в пространство поверх перил. Здесь была полнейшая мгла, так же, как и в коридоре. Только в холле светили в гигантские окна яркие летние звезды – я забыла закрыть на ночь жалюзи. Теперь я поняла, что гоняться за тем существом, что находится на втором этаже, не имея источника света, бессмысленно, и направилась обратно, за мобильником. Хотя бы ступеньки смогу разглядеть в свете дисплея. О том, хочу ли я рассмотреть, помимо ступенек, еще и *его*, я думать отказывалась.

В холле, узрев очертания раскладушки, я наклонилась, нащупала сумочку под ней и достала телефон. Прибавила в настройках яркости и, громко выдохнув, направилась к лестнице. Конечно, я могла включить свет. Но мне казалось, что в темноте я в большей безопасности. Ведь как только я зажгу люстру, он сразу поймет, что я его услышала и пошла разбираться, и, конечно же, успеет спрятаться. А вот я останусь видна как на ладони. И в то же время в этом злодейском сумраке, подпитывающем таинственные шорохи второго этажа, я испытывала такой жутчайший страх, который просто невозможно испытывать при свете. Априори.

Светя мобильником на ступеньки, я медленно поднималась. Звуки уже намного хуже слышались, а иногда пропадали вообще. И все-таки они были. Ведь я не сплю, не грежу наяву и не сошла с ума. Я уже окончательно сбросила со своего разума тягучую пелену сна и, несмотря на темноту, способна отличать вымышленное от действительного. Неужели все это правда? И сбежавшие с места работы вахтеры не были супервпечатлительными натурами, на свою беду наслушавшимися веселых баек о потустороннем? Они и вправду что-то слышали? А некоторые – и видели.

Я достигла площадки второго этажа и остановилась. Что-то невыносимо холодное внезапно дотронулось до моей ладони. Я резко вздрогнула, слегка пискнув от страха, но быстро поняла, что это всего лишь ручка приоткрытой двери. Кстати, она так и оставалась приоткрытой? Надо спросить у Анатолия и Андрея: они уходили последними.

Мысленно призвав в помощь Бога, я двинулась вперед, на этаж. Экран сотового едва едва освещал серый плиточный пол и давно не крашенные розовато-бежевые стены. В какой-то момент на освещенный клочок, прямо перед моими ногами, выпрыгнула черная тень, я инстинктивно дернулась в другую сторону, но поняла, что это тень от пристроенной вдоль стены декоративной вазы.

«Так и до психушки недалеко», – пожурила сама себя, сворачивая налево. Пока поднималась по лестнице, я усиленно представляла себе планировку дворца и поняла, что помещение, которое находится прямо над холлом, – не что иное, как Гербовый зал. Тот самый, где мы

с Анатолием изучали настенную живопись и где впервые встретились с майором. Тот самый, где на стенах красуются фамильные гербы призрака...

«Если это все-таки призрак», – тут же поправила я себя, как бы напоминая, что являюсь убежденным скептиком.

Подойдя к необходимой двери, я взялась за ручку и дернула на себя – дверь поддалась. Толя, видимо, забыл запереть и просто оставил ключ от помещения на моем столе. В принципе я его не виню, это нужно было сделать мне, как вахтеру, но я считала, что в запираании нуждаются только двери первого этажа, да и то из лишней предосторожности – на окнах решетки. А до второго этажа, минуя первый, добраться предположительно невозможно.

«Невозможно никому, кроме призрака», – забыв о скептицизме, закончила я свою мысль, делая первый шаг в заколдованную комнату.

Затаившись у порога, я внимательно вслушивалась, однако могла различить только свое прерывистое дыхание да испуганно бьющееся сердце. Я хотела грозно спросить: «Кто здесь?» – но поняла, что не могу вот так просто взять и хоть что-то произнести в эту пугающую темноту. Тогда я, пересиливая страх, протянула руку с горящим экраном вперед и направила свет чуть выше, чтобы можно было рассмотреть помещение. Увидев несколько высоких, под два с половиной метра, черных фигур, я вскрикнула, но тут же поняла, что это всего лишь гардины на окнах.

Вообще в таком свете разглядеть хоть что-то – практически невыполнимая задача, нужно зажечь люстру. Если это грабитель или кот, или кто-то еще, он мог преспокойненько спрятаться за одним из столов. Или просто в углу, куда слабый лучик моего телефона явно не добежит.

С этими мыслями я двинулась к стене и другой рукой потянулась к выключателю, и тут свет экрана потух. Я оказалась в полнейшей темноте и от испуга выронила телефон.

Спокойно! В настройках наверняка указана продолжительность работы подсветки, скорее всего, это какие-нибудь две минуты. Вот они и закончились. Никакой мистики. А теперь – дыши. И вперед, ищи выключатель.

В высокие окна светили яркие звезды и абсолютно круглая луна, так что глаза очень быстро привыкли к сумраку, и всего через тридцать секунд я смогла даже различить более темный по сравнению с фоном квадрат на стене. Он дальше, чем ожидалось, поэтому на ощупь я его сразу найти не смогла.

Загорелась люстра. Я бегло осмотрелась, лишь затем подобрала телефон. На первый взгляд в помещении никого не было, но я все же решила обойти все подозрительные углы. Отодвинула все стулья, заглянула под каждый стол, подергала занавески – никого.

– Слава Богу! – шепнула я себе и двинулась в обратный путь, потушив в зале свет.

Спустившись на первый этаж, я не придумала ничего лучше, как в полпервого ночи искать ключ от Гербового зала, – который, найдя в прошлый раз на столе, уже куда-то сунула, – чтобы сейчас еще раз туда подняться и запереть дверь. Конечно, проще было бы вернуться под одеяло, но, как учила Галина Викторовна, все нужно делать по правилам.

Перебрав несколько связок, лежащих в ящике и висящих на специальной доске, я нашла этот самый отдельный ключ с пометкой «Зал заседаний» и только собралась туда возвращаться, как со стороны лестницы до меня донеслись тяжелые медлительные шаги. Я застыла на месте с ключом в руке. Слушая, как кто-то невидимый (я же была наверху! Там никого не было!) спускается на первый этаж, я ощутила, как верхний покров моей головы предпринял попытку отделиться от тела. Вспомнилась Сударышева с ее «луковицы пляшут». Так вот оно, это чувство. Всепоглощающий ужас, сковывающий все твоё тело.

Скрип петель двери лестничной площадки первого этажа привел меня в действие. Я поняла, что *Оно* уже совсем близко, а нашей встречи я совершенно не желаю. Кинувшись к телефону с мыслями позвонить по 02, я заметила на стене лист бумаги с надписью «Охрана,

ворота» и местный трехзначный номер телефона и решила, что полиция может подождать. А вот я ждать никак не могу, мне помощь нужна прямо сейчас. И набрала пост охраны.

Первый гудок... Второй гудок...

Шаги раздавались по коридору. К ним прибавились какие-то шуршащие звуки. Что это? Плащ? Теплым летом? Или пакет, который мне собираются надеть на голову, дабы задушить?

Третий гудок... Ну давай же!.. Четвертый...

В ужасе швырнув трубку, я кинулась к входным дверям. Разумеется, заперты! Пять замков! Хорошо хоть связка висит тут же, в самом нижнем.

Существо приближалось к холлу. Шаги были все громче, все отчетливее.

Открыв нижний замок, я вынула связку и стала подбирать первый ключ. И здесь меня стукнуло. Я же закрыла только последние два замка! Мне не нужен первый! И третий, самый поганый, который закрывается с трудом. Зачем запирается на целых пять замков? Галина Викторовна скажет: «Потому что так положено!», но я-то не Галина Викторовна!

Господи, как же хорошо, что я не Галина Викторовна!!!

Я нашла ключ от четвертого замка, всунула в скважину и повернула. И в эту же секунду поняла, что в холле я уже не одна...

Проклятое зеркало, будь оно не ладно... Зачем я посмотрела в него? Наслушалась рассказов...

Высокий мужчина, бледный как смерть и до невероятности похожий на старинные фотографии графа Мамонова. Он не просто отражался в историческом зеркале, он мерцал! Я периодически видела сквозь него... Когда он еще немного приблизился ко мне, я завизжала что есть мочи, дернула на себя дверь и просто вывалилась на улицу. Самое странное, я даже не помню, упала я или нет! Те несколько секунд, что я бежала до ворот, для меня остались каким-то провалом, призрачным темно-серым дымом...

Осознала я себя уже подбегающей к будке охранника. В свете фонаря я увидела, как он стоит довольно далеко от своего поста, курит и смотрит напряженно сквозь железные прутья ворот.

– Помогите! – заорала я.

Он вздрогнул, обернулся.

– Что случилось, Аня?

– Помогите... Борис, – с трудом вспомнила я его имя. Не до того мне было. – Там кто-то ходит, – показала я на дворец.

– Этого быть не может! Я слежу через камеры, а ворота уже заперты!

– Вижу, как вы следите! – со злостью проговорила я. Потом поняла, что погорячилась. – Простите, но там реально кто-то есть! Я его видела! Пойдемте же!

Мужчина бросил недокуренную сигарету.

– Хорошо-хорошо... – Мы направилась почти бегом ко дворцу. По дороге он, извиняясь, бубнил: – Я действительно отлучился ненадолго из будки. Мне какие-то звуки послышались возле церкви. Я зарекался выходить наружу в темное время суток, но тут как бес дернул...

– У вас оружие при себе? – взволнованно спросила я.

– Конечно, – положил он руку на кобуру.

Мы взбежали по ступенькам, достигли порога. Борис достал пистолет, бросил мне:

– Жди здесь! – а сам направился к коридору. В холле уже никого не было.

Я обернулась на фонтан – дверь мы не закрыли. Мамонов запросто мог выбежать следом за мной, я ничего не слышала от дикого ужаса, завладевшего моим разумом и всеми органами чувств. А теперь он укрылся в кустах и ждет подходящего момента, чтобы...

Я вздрогнула и припустила за охранником. Тот уже дошел до лестничной клетки.

– Где ты его видела-то? – спросил как будто с недоверием.

– Видела в холле. Слышала вначале в Гербовом зале, после – на лестнице и в коридоре.

– Ясно. – Мужчина отчего-то успокоился и сунул оружие в кобуру, всем видом давая понять, что дальше он не пойдет. – А какой он был из себя? Разглядела?

– Да. – Я описала и добавила: – Похож на Матвея Мамонова.

– Ага, так и есть. – Охранник протер лоб тыльной стороной ладони. – Уф, набегался я с тобой.

– Со мной? – вновь начала я злиться. – Послушайте... Борис. Вы действительно верите, что я повстречалась с привидением? Может, стоит второй этаж проверить хотя бы, прежде чем списывать произошедшее на сверхъестественные силы?

– Зачем? Если это был живой человек, он спокойно вышел через дверь. Ты ж ее открытой оставила.

Ну да. Я сама уже об этом подумала.

– Зато войти он мог только при помощи телепортации. Так как изначально двери были заперты, – нашлась я.

– Да? – Борис потер затылок. – Ну ладно, веди.

Мы обошли весь второй этаж. Я включила везде освещение. Даже бегала вниз за ключами и открывала потом для охранника каждую запертую дверь. Наконец мы добрались и до мансарды. Здесь был довольно низкий потолок, не чета первым двум этажам, и два помещения, соединенные между собой широкой аркой. Наполнены они были всякой рухлядью и досками.

– Здесь планируется ремонт, – пояснил неожиданно сведущий в этом вопросе Борис. – Сюда переведут из городской администрации районный Совет ветеранов. Но когда это еще будет...

– Значит, официальная версия закрытия дворца почти не расходится с истинной, – подытожила я.

– Жаль, что на других этажах ремонта не планируется. Стены – жуть. Только загс один прилично выглядит. Ну и ресторан.

– Ресторан! – обрадовалась я. – Нужно спуститься в подвал.

– Он же наверху ходил.

– Борис, не ленитесь. Ходьба полезна для здоровья.

Мужчина нахмурился.

– Лень здесь ни при чем. Входа в ресторан из дворца уже давно нет. Он заперт.

Я покачала головой.

– Входа нет и вход заперт – это совершенно разные понятия. Все, что заперто, поддается открытию.

– Эх! – так громко вздохнул он, что даже гардины на окнах пошевелились, и, поняв, что от меня так просто не отвяжется, согласился сопровождать до подвала.

Мы спустились по лестнице до первого этажа. Если сразу после ступенек повернуть направо, под лестницу, упираешься в дверь, какие обыкновенно бывают в подъездах жилых многоэтажных домов – железная, обитая войлоком и пускающая в себя только работников ЖКХ. Лестница, ведущая к фундаменту, пряталась именно за такой. А белые двери, ведущие в коридор и дальше в холл, которые я упоминала ранее, находились напротив ступенек.

Я повернула направо и дернула за ручку – дверь не поддавалась.

– У вас есть ключ от подвала? – поинтересовался Борис и почесал верхнюю губу, пошевелив усы.

Я пожала плечами.

– Сейчас узнаем.

Мы вернулись к моему рабочему столу. Я перебрала все связки, что были в ящиках стола, и все одинокие ключи, висевшие на гвоздиках на стене. Надпись «подвал» не встретила ни разу, однако многие металлические приспособления оставались безымянными.

– Давайте проверять все, – вздыхая, предложила я.

Затея ленивому охраннику явно не понравилась. Почесав затылок под фуражкой, он выдал:

– Слушай, Аня... а на хрена тебе подвал? Вот ты думаешь, что призрак там разгуливать будет? – Помолчав, присовокупил: – А если не призрак, то откуда у него ключ?

Гениально. На какие только ухищрения не пойдет логическое полушарие, лишь бы не давать телу лишнюю нагрузку.

– Оттуда же, откуда ключ от самого дворца, – нашлась я.

Борис вспомнил, что изначально этот бандит как-то в здание при запертых дверях все же попал, и безысходно кивнул.

Мы вернулись к подвальной двери. Я начала было зевать (вообще странно, конечно, учитывая недавнишние потрясения; десять минут назад я и не чаяла, что когда-нибудь смогу хотеть спать), но лязг ключей у меня в руках привел-таки в чувство. Я перебирала неподписанные ключи, а Боря стоял рядом, опершись на стену, поправлял усы и внимательно следил за моими действиями. Наконец ключ вошел.

– О как! – возликовала я и тут же позабыла о желании видеть сны. Иногда реальность намного интереснее.

Я толкнула дверь и хотела идти первой, но охранник вспомнил-таки, что он вооруженный и сильный мужчина, и, посторонив меня, пошел вперед. Мы шли на ощупь, света не было. Борис достал из кармана маленький фонарик и включил. Спустившись, мы полюбовались небольшой площадкой с дощатым полом и зацементированной стеной, отделяющей нас от владений ресторана.

– Всего лишь? – расстроилась я.

– М-да... Вору тут негде спрятаться.

– А призраку? – хихикнула я, наблюдая за движениями тоненького лучика света, который, обследовав область пола, принялся за стену.

– А призраку, девушка, стены не преграда. – Посветив поочередно на другие три стены, Борис сообщил: – Тут раньше гардероб был. А здесь – проход в зал ресторана. Но когда заведение выкупили, новый владелец постановил отделиться от института. Они соорудили себе вход с торца здания. А стену с проходом, стало быть, и вовсе зацементировали.

– Откуда вы знаете? – не выдержала я. – Вы же говорили, что недолго тут работаете.

– Я вырос в Дубровицах, все тут знаю. Сам свадьбу в этой трапезной отмечал, с хозяевами тогда разговаривал.

– Поздравляю. Со свадьбой.

Мужик моего сарказма не понял и ответил со всей серьезностью:

– Да ты че, я уже давно развелся. – Тут он направил свет фонарика мне в лицо. – Кстати, я свободный парень-то... Соображаешь? – И по-дурацки хмыкнул. Ну почти что хрюкнул.

– Соображаю, что пора двигать обратно, – морщась от луча света, раздражающего мой глаз, заявила я угрюмо и с бодростью потрусилась к лестнице.

Когда мы достигли холла, я проводила охранника до двери и даже вышла с ним на крыльцо. Переступая порог, я сразу ощутила, насколько сильно похолодало на улице. За двадцать минут, естественно, ничего не могло измениться так существенно, просто одно дело бежать по дороге в приступе дикого ужаса, совсем иное – стоять, успокоившись. Ночь была темной, даже полчища золотистых звезд не справлялись со своими функциями. Впрочем, так могло казаться из-за подсветки фонтана: когда что-то яркое близко, что-то отдаленное всегда кажется темнее, чем оно есть на самом деле.

Я собиралась уже пожелать Борису приятной ночи и вернуться в здание, когда слух зацепился за что-то, не укладывающееся в создающуюся атмосферу. Я так и замерла с открытым ртом, продолжая вслушиваться, но охранник вовсе не заметил моего странного поведения: его лицо было повернуто не ко мне, а в противоположную сторону – к церкви. Уже в следующую

секунду я поняла, что растревожило двух усталых полуночников – таинственный детский смех. Причем принадлежащий девочке. Во всяком случае мальчик с таким альтом должен быть очень уж маленьким. И явно бы не бродил тут один. Затем донесся топот и шелест веток: дети очень быстро передвигались, скорее всего, бежали.

Бежали и смеялись... Ночью... В безлюдной местности...

Охранник наконец повернул ко мне свое лицо и трусливо проблеял:

– Что же здесь, едрит батон, происходит?..

* * *

Остаток ночи я провела с пользой: выпалась. Вчера я предлагала Борису прогуляться к церкви и проверить, кто там носится темными ночами, но он воспринял реплику в штыки. «Ни за что! Я себе не враг!» – вот и весь ответ. Да еще и посоветовал мне одной сходить, «коли такая умная» (его слова). Похоже, местные всерьез намерены стойко придерживаться своей эзотерически-потусторонней религии. Я, конечно, тоже боюсь всего необъяснимого, но именно поэтому и стремлюсь установить истину. А зарываться глубже в свою раковину при первом намеке на что-то мистическое – это удел слабых. Я не хотела быть такой. Я знала, что я не такая.

Бориса утром должны были сменить. Жаль, я не знала, во сколько, а то бы позвонила и справилась, как он провел остаток смены. И вообще, дошел ли он живым до своей сторожевой будки. Но логика подсказывала, что, если бы произошел какой-то инцидент, меня бы уже оповестили. На часах полдень. Сменный охранник явно уже приехал на работу.

Я уже умылась, позавтракала, убрала раскладушку, почитала книгу, второй раз позавтракала и теперь маялась выбором: то ли кроссворды погадать, в изобилии оставленные на вахте Сударышевой перед отъездом, то ли вернуться к Чейзу – и как раз в процессе решения этой важнейшей задачи мне позвонили и незнакомым голосом оповестили о приезде Ткаченко и Смирнова.

Ага, охранники сменили друг друга, все живы – это хорошо.

– О как! – поприветствовала я знакомых на пороге. – Уже парой ходим!

– Да нет, случайно встретились по дороге, – отчего-то нахмурился Анатолий. – Привет.

– Ага, – кивнула я, потому что поздороваться-то забыла.

Майор молчал. Зашел в холл, огляделся, будто в первый раз, и занял место на потертом диване, возле моего стула. Толик же поставил рюкзак на стол, расстегнул, но вместо того, чтобы что-то оттуда извлечь, протер тыльной стороной ладони немного влажный лоб и попросил воды.

– Я же обещала тебе чай! – вспомнила я и полезла искать вторую кружку.

– Ах да, – обрадовался Ткаченко. – Чай – это то, что мне сейчас надо.

Толя покрутился вокруг себя, ища, куда бы пристроиться, но так и не нашел ни одного сидения поблизости и остался стоять. Я пододвинула ему свой стул, сама отправилась к другому столу, к которому было придвинуто пошатанное кресло с одним отвалившимся подлокотником, и попутно спросила у офицера:

– Андрей, а ты как?

– В смысле – как? – Тот уже по-простецки взял в руки мой не до конца разгаданный кроссворд и что-то в нем писал. – Кстати, автор «Сикстинской Мадонны» – Рафаэль. Стыдно не знать, с твоей-то профессией.

Я возмутилась до глубины души.

– Я еще не дошла до этого вопроса!

– У тебя уже буква «р» была, – привел какой-то сомнительный довод Смирнов. Похоже, в школе милиции ему теорию и практику аргументации не преподавали.

– Вот я и собиралась прочитать вопрос, но тут явились вы! – продолжала я гневаться, катя к столу кресло. Толя вдруг подскочил со стула и помог мне его докатить. – Я спрашиваю, чай будешь или нет? – накинулась я на майора с такой интонацией, словно обвиняла в страшном преступлении.

Он, однако, не побоялся ответить отказом:

– Не дурак я в жару горячими напитками баловаться. И вообще, мы по делу пришли.

При слове «дурак» Анатолий с недовольством глянул на майора, но промолчал.

– Успеется, – отмахнулась я, наливая чай охотнику за привидениями. – Как раз расскажу вам страшную историю. Ни за что не поверите, что случилось ночью.

– Только не это... Неужели и ты видела привидение? – возмутился Андрей. Я кивнула. – Вот бред! Только я подумал, что в этом месте хоть один нормальный человек есть, и на тебе...

Толя подавился чаем, а я принялась за повествование. В середине изложения майор вдруг прервал меня и, обратившись к Ткаченко, уточнил: говоря о ненормальных, он имел в виду исключительно работников усадьбы, к числу которых ловец призраков не может быть отнесен. Анатолий заметно приободрился. После этого я продолжила рассказ. Закончив, поинтересовалась:

– Ну что вы об этом думаете?

– Я думаю, – высказался Смирнов, – что этот таинственный призрак имеет телесную оболочку, а также ключи, причем не от главных дверей, а от каких-то других. Поисками этих других дверей я прямо сейчас и займусь.

– Да что с тобой? – не выдержала я, посмотрев на Толика. – Ты очень странно ведешь себя. Ты то ли расстроен чем-то, то ли болен.

– С чего ты взяла? – буркнул он тихо.

– С того, что ты даже не заинтересовался моим рассказом. Не тем ли ты грезил весь свой срок работы на «Охотников...»? Поймать настоящего призрака? – Тут я обратилась к Смирному. – Ты не обидел его по дороге?

Андрей хмыкнул.

– Малец просто смекнул, что никаких призраков тут нет. Стало быть, он просто тратит время. Так ведь? – посмотрел он через стол.

Ткаченко с силой треснул кружкой о покрытый стеклом стол, от чего чуть не разбились и кружка, и стекло, и вскрикнул:

– Я не малец, это ясно?!

Майор вытаращил глаза.

– Да ты что, малец, я ж не в обиду... Я так просто сказал. Ну ладно, – он тут же поднялся, – пошел я двери искать.

– Иди-иди, – бросила я ему вдогонку, вовсе не собираясь сопровождать. Анатолий тоже не пошел.

Когда он допил чай, я спросила:

– Он тебе что-то по дороге сказал, да?

Сотрапезник удивился проявленной заботе, это было видно по глазам, затем чуть заметно кивнул.

– Я так понял вы вчера... хм, общались, когда я ушел?

– Угу.

– Я-то думал, мы уедем вместе. Дворец заперли, а ключи собирались охраннику отдать. Но по дороге он вдруг передумал, будку миновал и пошел в другую сторону. К церкви.

– Меня ловить, – кивнула я.

– Слушай. – Толя придвинулся и неожиданно положил мне руку на сложенные ладони. – Ты ему доверяешь?

– Зачем мне ему доверять? – удивилась я и снова посмотрела на ладонь. С одной стороны, хотелось ее убрать с моих рук, потому что это было как-то... быстро. С другой, она была теплой и комфортной.

– Потому что, мне кажется, он имеет на тебя виды.

Я приснула.

– Что за бред? – И выдернула руки, делая вид, что мне срочно нужно убрать кружку в стол, даже предварительно не помыв ее. – Он псих.

– Я тоже так считаю, – кивнул специалист по паранормальному и окончательно пришел в себя. – Ну что, – подскочил он и кинулся к своему ранцу, – примемся за дело? – Достал какой-то новый прибор.

В этот момент на улице кто-то истошно заорал. Причем, учитывая, что сейчас день, когда снаружи и без того шумно, а мы сидим за плотно закрытыми дубовыми дверями и захлопнутыми окнами, визг был нечеловеческой силы. Мы подпрыгнули. Тут же в холл выбежал Андрей.

– Вы слышали? Что-то случилось!

Он первым оказался на улице, хотя находился дальше всех от двери, мы же вылетели следом.

Бежать пришлось в сторону церкви. Крики такой же силы не повторялись, однако там толпился народ, который тоже производил некий шум. Люди странно подергивались, размахивали руками, кто-то куда-то звонил.

Подбегая, Андрей выловил первого встречного мужика, представился и спросил, что случилось. Мы встали рядом. У мужика отчего-то тряслись руки, он даже выронил телефон, который только что использовал.

– Мальчик... там, – показал он глазами направление. – Я в медицинском два года проучился, но уже забыл... – бормотал он что-то бессвязное. – Тяжело это, тем более дети...

Смирнов, широко шагая, направился в сторону, указанную прохожим. Мы шли за ним, пожимая плечами. Вскоре об этом пожалели. Впрочем, про Ткаченко не могу сказать наверняка, а вот меня вид задушенного ребенка вогнал в ту еще тоску. Я даже охнула и, отвернувшись, прижалась к плечу спутника.

– Офигеть, – прошептал мне на ухо Анатолий, потом еще что-то добавил, но я уже не слышала. Было ощущение, словно я куда-то плыву. – Эй-эй, ты чего? – вдруг спросил парень, а я не поняла, к кому он обращается.

– Доктора сюда! – рыкнул во весь голос Андрей. Он-то откуда здесь? Вроде далеко стоял. А кажется, будто его рот висит над моей головой. И орет...

Меня кто-то развернул, и очи мои вплотную уперлись в давешнего мужика. Видимо, из собравшихся он больше всех подходил под названную категорию. И почему-то только в тот момент я поняла, что мне плохо и именно за этим позвали врача.

За неимением ватки с нашатырем, а может, по иной какой причине, он пару раз немного шлепнул меня по щекам. Странно, но этот банальный метод в действительности возымел действие. Я отлепилась от Толиного туловища и поняла, что вполне могу стоять самостоятельно. И даже передвигаться по мере необходимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.